

ВОЕННО - ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКСАНДР ГОЛОДНЫЙ

БЕЗ ПРАВА
НА ЖИЗНЬ

Александр Владимирович Голодный
Без права на жизнь
Серия «Без права на жизнь», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3147345
Александр Голодный. Без права на жизнь: Яуза, Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-53088-5

Аннотация

В этом «перпендикулярном» мире русских считают даже не рабами, а рабочим скотом и подопытными животными. В этой бесчеловечной реальности Великобритания правит не только морями, а всем миром, установив в оккупированной России жесточайший колониальный режим, по сравнению с которым меркнут даже зверства гитлеровцев.

Оказавшись здесь, в изувеченном теле русского раба, выброшенного на свалку после очередного медицинского эксперимента, наш соотечественник, ветеран Ракетных войск СССР, должен не только выжить, переиграв карателей и палачей Имперской Колониальной безопасности, не просто изменить этот кровавый мир, но разрушить его до основания. Этой проклятой Империи не стоит рассчитывать на пощаду! Этот «Хрустальный остров» должен быть разбит вдребезги!

Содержание

Часть первая. Зомби	4
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Голодный

Без права на жизнь

Не могу не выразить благодарность своим коллегам с форума «В Вихре Времен» – всем тем, кто читал, давал советы, выполнял правку, просто делился мнением. Особо признателен Алексею Михайловичу Махрову – писателю, организатору, вдохновителю и Человеку.

Часть первая. Зомби

Всемогущий и всевидящий Всевышний добр, а потому милостиво стирает память о прошлых жизнях, когда дарует нам жизнь новую. Воспоминания, постоянное ощущение потери, неразрывная связь с близкими – все это лежит грузом боли и тоски от одной прошлой жизни. Нет страшнее участи – помнить их все.

Я пришел в этот мир, навсегда покинув свой, суматошный и неустроенный, полный потерь и приобретений, развала великой советской империи и смутного существования России. Но там русское государство, по крайней мере, осталось... Не было никакого знака свыше о том, что этот день станет последним в моем мире. Не было примет и предчувствий. Теплое солнце Дивноморска неспешно укутывали тучи, море волновалось на балл-полтора. По светлой набережной от пляжа и ставшего неприветливым, с серым отливом и песком в прибое моря неспешно расходились отдыхающие. Вкусные, резкие запахи разносились из снимающих обязательную дань кафешек, снисходительно скучали продавцы курортной ерунды в палатках. Я решил воспользоваться отсутствием назойливого спасателя на лодке и от души поплавать за линией буйков, не переходя, впрочем, черту опасности, отмеченную дальними бакенами. Размеренно, с удовольствием выгребая в чистой, сине-зеленой волне, наслаждался ароматом моря, прибрежным пейзажем, ощущением отпуска. Семья уехала раньше – сыну на учебу в политех, у жены заканчивался отпуск. Я остался на бархатный сезон первых сентябрьских дней. Много ли надо от жизни мужчине «за сорок», чтобы снова почувствовать привкус счастья?

Волна потихоньку усиливалась. Это заметно становилось при взгляде на берег: прибой уже давал неплохой вал, подхватывая и легко выбрасывая на берег визжащую от восторга малышня. И вроде как еще потемнело. О, отлично, только дождя не хватало. Первые увесистые капли неспешно и с достоинством зашлепали по волнам, изредка чувствительно попадая по лысине. Наддав к своему пляжу, живо представил перспективу возвращения в съемную квартиру под мощными струями южного ливня да с бьющим порывами ветром. Сзади ощутимо гроыхнуло. Оглянувшись, перешел на саженьки – быстро наползающая фиолетово-черная туча выглядела крайне зловеще. Гроыхнуло резче и заметно ближе, в затылок потянуло промозглым холодком, воздух наполнился запахом влаги и озона. Почти одновременно со всполохом молнии, отразившимся на волнах, резко-разрывающе шарахнул гром. Совсем близко. Еще раз. Еще... Ярчайшая вспышка засветила, превратила в черно-белый застывший в напряжении окружающий мир, свинцовая плита вышибла дыхание из груди.

Не было последней мысли, не было тоннеля и черноты. Все составляющее истинное «я» плыло в мягкой обволакивающей теплоте. Я видел одновременно все стороны, чувствовал... Наверное, то же, что и ребенок под сердцем матери. Заботу, ласку, нежность, любовь. Незримый, всемогущий и бесконечно добрый нес меня в своих ладонях, отдавая горе, печаль и заботы. В сознании шевельнулось воспоминание о близких – и тут же развернулись яркие живые фрагменты: свадьба возмужавшего сына, жена вытирает слезу у памятника, сын пере-

дает улыбающейся жене маленький запеленутый кулечек. Внук... Картины растаяли, оставив лишь осознание того, что жизнь прожита не зря...

Я был не один – из темных раскрывающихся окон выплывали окутанные жемчужными оболочками золотые искры, заполняя бесконечное пространство вокруг и образуя гармоничный прекрасный узор. Вот одно из окон распахнулось совсем рядом. Из него неловко, теряя осколки распадающейся жемчужной сферы, выпала искра, распространяя вокруг ауру боли и безумия. Серебристый поток стремительно подхватил несчастную и унес вдаль. Парящий исчезающей дымкой осколок приблизился, растворился в сознании, обдав чужими чувствами и воспоминаниями. Это было непередаваемо. Еще один, зацепившийся за край темного портала, неудержимо потянул к себе, льдисто-обжигающе прикоснулся, и темнота ударила ослепительной вспышкой.

* * *

– Охерел, полудурок, дергать? Кожан, засади ему еще раз, мля, поумнеет.

– Слышь, Вялый, это, типа, не он.

– А кто, жмур, что ли?

– Ну.

Меня перестали тащить за ноги, глаза наконец-то открылись. Перед лицом маячила чумазая физиономия худющего молодого парня. Несмотря на сочащуюся из разбитого носа кровь, он счастливо улыбался.

– Сеант, Сеант...

– Свали, полудурок.

Получив ощутимую затрещину, счастливый отшатнулся, поле зрения заполнила отвратная, с грязной кривой бородкой, рожа.

– Гля, точняк зыркает.

– Вялый, ты шухеруй, а вдруг он, типа, зомби стал, ща как начнет тебя хавать.

– Хавалка не выросла.

Тем не менее бородатый отстранился (о, глаза уже работают, слежу за ним взором) и попинал меня в ребра.

– Зомбак, ну-ка вякни что-нибудь. Слышишь меня, дохлятина?

Ощущения доходили как сквозь толстый слой ваты, а звуки все лучше. С невероятным трудом разлепив губы, попробовал ответить. Вместо мата из пересохшего горла вышел жалобный сип.

– Мля, точно зомбак. Полудурок, вода есть? Вода, дебил, пить?

Парень (и что он все время улыбается?), скособоженно прихрамывая, убежал и через минуту вернулся, протягивая пластиковую полторку с мутноватой жидкостью.

– Хули мне суешь, сам ему нацеди.

– Сеант, сеант, ить.

Он заботливо приподнял мне голову, поднес бутылку к губам. Выдохшаяся, отдающая затхлой пластмассой газировка оживляюще потекла в горло. Сделав несколько глотков, я обессиленно (что со мной? Как же плохо себя чувствую) отстранился.

– Спасибо, – удалось прошептать.

– Зырь, Кожан, живой. А был жмуром. Точно, зомбак. Слушай сюда, дохлятина. Неделя тебе, чтобы очухаться. Через неделю – на сортировку, вместе с корешем твоим. Один раз в день – жрачка, услышишь звон – иди. Ну, полудурок знает. Разожжешь костер, подпалишь свалку – на ломти настрогаем. Все, зомбак, не кашляй.

Развернувшись, бородач в рваной рубашке ушел со своим напарником, таким же бом-жарой на вид. Улыбающийся подхватил меня сзади под руки и с трудом потащил. Голова не

держалась, глаза закрывались, тошнило, бросало то в жар, то в холод. Остатками сознания зафиксировал подобие низкого шалаша и как меня накрывают чем-то рваным.

Сознание пришло вместе с запахами. Зловоние давило слезы из глаз. Гниль, дерьмо, отбросы, мусор – характерный запах свалки. Дрожащей от слабости рукой сдвинув грязнущее затрепанное пальто, попытался сесть в криво и косо сложенном из листов картона и пластика шалаше. Удалось. Так, главное – понять, где я, потом город, милиция и домой. Воспоминания нахлынули разом, смывая сонное оцепенение мозга.

– Нет, не может быть.

Грязной ладонью провел по короткому ежику волос, по лицу. Все еще не веря, откинул пальто, задрал подобие длинной больничной рубахи и уставился на тело. Это был не я. Худющий до синевы, с черными синяками на венах (кололи чем-то и много раз), с дряблыми мышцами молодой (редкая щетина на подбородке) хлопец. Переборов вспышку паники (плевать, что в чужом теле, главное – живой), попробовал выбраться наружу. С трудом отвалил закрывающий вход лист и чуть не упал, вовремя подхваченный улыбающимся знакомым.

– Сеант, сеант.

Прислонив меня к стене, друг дал заляпанную засохшим кетчупом пластиковую ложку и открыл пластмассовое ведро вроде майонезного. Пахнуло теплым варевом, проснувшийся желудок скрутила голодная судорога. Разваренная до однородной массы тепловатая бурда исчезала с угрожающей скоростью. Остаток просто допил и почувствовал, что отключаюсь.

Последнее ясное ощущение – меня опять укрывают.

От сна оторвали заботливая рука и знакомый запах похлебки. Как и накануне, все сметал (маловата порция), глянул на улыбающегося (опять!) парня.

– Нет, сеант, нет.

– Нет, больше еды нет?

– Нет, сеант, – покачал головой он.

Плохо. Но уже терпимо. Выбрался на карачках из шалаша, закрыв глаза, преодолел подступившее головокружение. Глубоко вздохнув, окинул взглядом окрестности. Мусор. Свалка. Неряшливые груды пластика, рванья, бумаги, гнили, отходов стройки. Особенность – практически не вижу металлических банок и металла вообще. И надписи... Почти все – на английском. Я в нем не силен, но что-то понимаю. Надо срочно разговорить напарника.

Потратив с полчаса, понял одно – у парня серьезные проблемы с головой. Постоянная улыбка, временами раскоординированные движения, неспособность сосредоточиться и ответить на мало-мальски простой вопрос, даже новое свое имя не могу уточнить. Говорю за ним надоевшее «сеант» – крутит отрицательно головой и повторяет снова. Показываю пальцем на него – отвечает вроде «салат». А если попробовать:

– Солдат?

– Сеант!

Неумело, но старательно вытянувшись, он выпрямился передо мной. Привстав, я козырнул (к пустой голове руку не прикладывают) и тут же получил ответное приветствие. Похоже, истина установлена. Тычу пальцем себе в грудь и произношу:

– Сержант (а прошлую жизнь майором запаса закончил).

– Сеант!

– Вольно, рядовой. Давай попробуем пройтись.

Да, пройтись. В чем? Из одежды – длинная больничная рубашка с завязками на спине, даже трусов нет, а солнышко хоть и греет, но как-то неактивно. А как одет мой друг? М-да, рабочий синий халат в засохшей краске без половины пуговиц, из-под него выглядывает знакомая больничная рубашка. На левой ноге просящий каши мокасина, правая щеголяет домашним тапочком-кроликом. Только кролика долго грызли собаки. А что в шалаше? Порывшись

в куче невообразимого рванья, нашел заскорузлую от грязи футболку, несколько полос брезента. Негусто. Кое-как залез в футболку, намотал полосы на манер портянок. Подобрал два пластиковых пакета поплотнее, вытряхнул сгнившие объедки, приспособил на ноги, закрепив обрывками синтетического шпагата. Сойдет.

– Солдат, дружище, помогай.

Вставалось тяжело: закружилась голова, задрожали ноги, пробил пот. Помощник старательно сопел под правой рукой, обхватив за талию. Не знаю, кем был для него мой предшественник в этом теле (вспышка воспоминания: искра с распадающейся оболочкой), но парня не оставляю. Нам бы только к людям выбраться. Да, и найти во что одеться, чтобы людей не распугать.

Барханы мусора тянулись бесконечно. Почти из-под ног нашей ковыляющей парочки нехотя взлетали здоровенные вороны, несколько раз прошмыгивали крупные крысы. «А крысы осторожные, пуганые. Наверное, кушают их уголовные бомжики», – сознание потихоньку анализировало увиденное, раскладывая по полочкам информацию. Исследуя склоны мусорных гор подобранной по пути ручкой швабры (опять пластмасса, дерево и металл вообще не попадают), потихоньку разжился замасленной легкой курткой от комбинезона автомеханика, рубашкой без одного рукава, разящими стухшими объедками двумя парами затертых легких брюк (по размеру вроде мне и Солдату), бейсболкой («красные носки», кажется, так надпись переводится), двумя заплесневелыми слежавшимися шторами. Плохо с обувью – два разваливающихся кеда на левую ногу детского размера. А идти тяжело – накатывает слабость, регулярно в подошву норовит впитаться какая-нибудь острая гадость. И, конечно, я не пропускаю газеты. А они вызывают все большее недоумение. Полностью на английском, с незнакомыми цифровыми названиями населенных пунктов. В общих чертах понятно: обильная реклама, объявления, спорт, погода, заметки о политике и что-то из писем читателей. Черт, если это Америка, то почему бомжи по-русски говорят? И как объяснить больничные рубахи – здесь что, русских больных на свалку выбрасывают? И опустившихся бандюков тоже?

Между тем, ведомый напарником, я старательно двигался к нескольким показавшимся потрепанным металлическим ангарам явно промышленного типа.

– Сейчас, Солдат, найдем нормальных аборигенов, просветим наше непонятное состояние.

– Ага, Сеант, ета, ета.

Вокруг ангаров было практически чисто. На ближайшем к нам над входом крупно написано по-русски и на английском: «Еда». А у стены на пластиковой табуретке грелся на солнце пожилой дядька с коричневым, испитым лицом.

– Доброго вам дня. Можно потревожить?

– Жратва будет завтра, доходяги. Один раз в день. Три раза – только на сортировке.

– А просто спросить можно?

Нехотя разлепив веки, он окинул нас равнодушным взглядом:

– Стертый. Опять стертые новенькие. Ну что тебе?

Вопросы застряли в горле. «Стертые», больничного вида рубахи и свалка – очень мрачное сочетание вырисовывается. По-своему оценив молчание, дядька продолжил:

– Не знаю за что, но вас обоих как неграждан третьего разряда изъяли из общества, сдали в лаборатории, а потом вы и там стали не нужны. Непонятно, почему ты не сдох и разговариваешь, но такое тоже бывало. Теперь твое место здесь. Последний дом, хе-хе, доходяга. Отдыхай и готовься к работе на сортировке, первый раз там очень тяжело пережить.

– А что это за место, уважаемый? Город какой, страна?

– Ничего не помнишь? Городов вокруг несколько, я не знаю, откуда тебя привезли. Ближайший – Сити-256. Место – седьмая зона Северо-Восточных колоний. Только это тебе ни к чему, отсюда нет выхода.

– Колоний? А страна какая, континент?!

– Из умненьких? Смотри, слова какие знаешь. Если сразу не сдохнешь, надо будет с тобой пообщаться, люблю с образованными говорить. Сам когда-то был... Континент – Азия, а страны нет давно, колонии.

– А как называлась до колоний? Россия, Украина?!

– Украина? Не помню такого. Россия была. А ты, доходяга, из Реджистанса, точно. Вот за это тебя из общества и того.

Вот тут меня и подкосило. Это не мой мир! Я не увижу ни жену, ни сына. Никогда! Ноги подогнулись, Солдат не справился с обвисшим телом, мы шлепнулись на землю. Сильно било в виски, отчаяние рвало душу.

– Э, доходяга, не вздумай тут сдохнуть! Ползи сам на карьер и жмурься там, я тащить тебя не нанимался.

Мужик, приподняв меня за грудки, отвешивал пощечины, напарник, бормоча, безуспешно пытался остановить его руку.

– Кончай, дядька, хватит, все нормально...

Чувства отступили так же резко, как и нахлынули, оставив головную боль и тремор в пальцах.

– Валите отсюда, доходяги! Пошли на хер!

– Уходим, уже уходим. Только скажи, пожалуйста, что такое сортировка?

– Дальше, через ангар, мусор сортировать! И готовься к ней, урод, если сдохнуть не хочешь! Потому что, пока норму не сделаешь, от конвейера не отойдешь, и либо делают норму, либо сдыхают. Все, мля, вали!

– Благодарю, уже ушли.

Опираясь на палку, поддерживаемый верным и снова улыбающимся напарником, я упрямо плетусь по растрескавшейся бетонной дорожке. Вот оно: вокруг здорового ангара копошится народ. С одной стороны затаскивают большие контейнера на колесиках с мусором, с другой их выкатывают наполненными одинаковыми отходами. И везде работающих подгоняют палками надсмотрщики.

– Гля, мля, зомбак с полудурком! Слышь, братва, это тот жмур, что я базарил.

– Чой-то не похож он на жмура. Порожняк гонишь, Кожан.

– Зуб даю, он. Лежал обосратый, околевший. Мы с Вялым его за копыта, в карьер волоочь, а он дернулся и очухался.

Четверка надсмотрщиков, возглавляемая знакомым мне Кожаном, подошла вплотную.

– Что, дохлятина, уже пахать приперло?

– Не, они чо-то надыбали, свою пруху притаранили. Дал сюда, дебил!

Выдернув у напарника из руки кулек с найденным тряпьем, бандюк ловко ткнул дубинкой потянувшегося за отобранными вещами Солдата. На землю опять свалились вдвоем. Еще один наступил на мою опорную палку, больно прижав пальцы.

– Гля, зомбак тоже с дрыном, ща мочить нас начнет.

– Ага, а потом и хавать.

Уроды довольно ржали, а я даже не могу встать – силы совсем ушли.

– Что стоим, быки? Кто дохляков гонять будет? Отдельное приглашение надо?

– Мы ниче, Кент, уже идем. Так, словили веселуху от двух чморея.

– Не навеселились еще? Сам на сортировку захотел, Кожан?

– Мне нельзя, Кент, я в законе.

– Закон для тебя – я. Пошли!

Подошедший явно принадлежал к верхушке уголовного сообщества – чистый, холерный, выбритый, в нормальной светло-синей рубашке и чистом, хотя и мятом, темно-синем комбинезоне. На ногах блестящие легкие черные туфли. Уроды шустро рванули к работающим (один вывалил тряпье из кулька, скривился и пнул ногой), Кент безразлично глянул в нашу сторону и пошел следом. Собрав тряпки, Солдат с невероятным трудом поднял меня, и, шатаясь, мы заковыляли обратно. Головная боль все усиливалась, дорога расплывалась перед глазами, ног уже не чувствовал. Стиснув зубы, висел на плече напарника и одной силой воли направлял домой непослушное тело. Только когда понял, что стою у шалаша, позволил себе вырубиться.

Снова плыву в мягких волнах безвременья. Вот уже близко дыхание Всевышнего, разворачивается волшебный узор золотых искр...

– Сеант, нет, Сеант!

Жалобный голос держит тоненькой ниточкой, не отпускает, тянет назад. Это же Солдат! Рывком вернувшись в тело, открыл глаза. По лицу паренька текут слезы, он отчаянно трясет меня за плечо. Внезапно понял, что вижу его чувства – дымку ауры и яркие пятна, как мазки красок на картине. Преданность и дружба – я уверен, знаю, что вижу именно их.

– Отставить, Солдат, я живой.

– Сеант!

Протянув еще слабую, но уже слушающуюся руку, ласково провел по голове напарника. Пальцы слегка закололо, дружба и преданность засветились ярче, растаяло фиолетовое отчаяние. Солдат счастливо заулыбался. Застучало в висках, дымка ауры стала прозрачной и исчезла (ничего себе приходы!). Косые лучи солнца били в многочисленные щели – явно вечер на подходе. Есть и пить хотелось невероятно. Словно услышав мысли, парнишка подал ведро с остывшим варевом. Все, как и в прошлый раз (вчера?), сметалось молниеносно. Гораздо легче выбравшись из нашего логова, убедил Солдата, что ожил и жажду краткого уединения (все равно шуршал рядом за кучей, преданный мой). После совершения крайне необходимых дел я озабочился насчет еще поесть. Порция из ведерка, по-моему, только раздраконила аппетит. Добив на пару древнюю газировку, надев штаны («угадал» с размерчиком – болтаются, как на вешалке. Пришлось упаковочным шпагатом подвязывать.), мы двинулись между куч в сторону солнца. Опираясь на привычную ручку швабры, шел сам, тяжело, преодолевая слабость, но упорно и настойчиво. По пути уже привычно проверяю склоны мусорных терриконов и довольно успешно: пяток нормальных на вид одноразовых бритвенных станков, три несъеденные зубные щетки, десятка полтора выдавленных тюбиков кремов и зубной пасты, несколько срабатывающих одноразовых зажигалок (при виде огонька Солдат испуганно вздрагивал, смотрел по сторонам и говорил: «Нет, Сеант, нет»), пластиковая пачка с несколькими окаменевшими печенюшками (сразу с удовольствием захрустели). Брезгливости не ощущаю, к вони притерпелся. Главная задача на настоящий момент – оклематься, пережить сортировку, а там посмотрим про колонии и кто главный в этом мире. Хотя ответ на последний вопрос валяется буквально под ногами – английский язык на упаковках, вес в фунтах, жидкости – в пинтах. Суки! Пидоры островные. Стоп, не психовать, у тела явно нервное истощение в придачу к физическому, сильные эмоции пока запрещены. Вот почему я, кстати, тогда и вырубился – эмоции ударили. Что там дядька говорил – Реджистанс? Знакомое слово: уверен, что речь идет о Сопротивлении. Вот это по-нашему – братья-партизаны. Предшественник сержантом Сопротивления, значит, был. А молодой совсем – сколько мне сейчас лет? Черт, зеркальце бы... Ага, а еще ванну, чистое белье и ключ от квартиры. С местными деньгами. Что-то меня затупило, копать надо больше, а думать меньше. Оп-па, это уже удача!

Инженерный логический стиль мышления не подвел – если мусорные мешки завязаны, значит, их еще не потрошили, верно? Вот в одном и попались отходы местного спортивного

центра – две заношенные футболки с длинным рукавом (одной, похоже, уже полы успели помыть), боксерские трусы (извини, Солдат, надену я, зато почти чистую футболку «Белый гусь» – тебе), несколько разноцветных кроссовок разной степени изношенности, грязнящее полотенце и куча слипшихся носков. Четыре пинтовые бутылки с остатками питьевой воды (с глюкозой, для спортсменов) – вообще хорошо.

– Тормози, братишка, одеваться будем.

– Оеа, Сеант.

– Одежда, дружище. Стой, не крутись, шнурки завяжу. Больничные рубахи давай в мешок, носки туда же. Нам бы найти воду помыться, постираться, да мыло – на людей станем похожи.

Переодетый Солдат улыбался. Посмотрел на него – и сердце защемило. Совсем подросток. Тинейджер чумазый. Лаборатории... твари, кишки на микроскоп намотал бы. Опыты ставили – вон плохо зарастающие пятна на голове, следы от электродов. Так, успокоиться, давай вдох-выдох несколько раз. Лучше о еде думай. Кстати, жрать распирает вообще не по-детски. Или по-детски, учитывая новый возраст.

Залежи офисных (судя по количеству и содержанию бумаги) мешков принесли результат – несколько тарелок с качественно засохшими остатками ланчей (похоже, крысы не добрались), пинтовые бутылки с газировкой типа пепси (тьфу, совсем разложилась, химией несет), бутылки с чем-то вроде зеленого сладкого чая (то, что надо), недоеденные бисквиты, треть рулона скотча (отлично, как раз портянки закрепить). Выпотрошив все мешки, накрыли симпатичный пикничок на торчащем из мусора бетонном блоке. Но сначала я вымыл лицо и руки скончавшейся пепси и умыл напарника. Когда попытался его наклонить, он вздрогнул и жалобно вскрикнул.

– Извини, Солдат. Дай посмотрю, что там у тебя?

– Боно, Сеант, боно.

– Я понял, больно. Не бойся, я осторожно.

На затылке торчат покрытые присохшей сукровицей три здоровые шишки. Ударился? Не похоже – слишком правильно расположены. Лаборатории. Похоже, проколы в черепе.

Осторожно нагнув за шею, я умыл паренька, непроизвольно вспомнив, как совсем так же когда-то умывал маленького сына. В висках тревожно застучало – да, нервы совсем не к черту. Все, забыть, забыть, успокойся. Надо держаться.

– Пошли кушать, братишка. Еда, Солдат.

– Еа, Сеант.

Пошло просто замечательно. Вкусно жрет местный офисный планктон – хрустя засохшими комками, мы дружно умяли лапшу (копия наша – Доширак) с острым соусом и окаменевшие ломтики жареного картофеля, запили вполне приличные на вкус, превратившиеся в сухарики, кусочки бисквитов. В животе ощутимо потяжелело, накатила слабость.

– Отлично, Солдат, давай посидим немного да пойдем назад.

Солнце скатилось почти до горизонта, рельефно выделяя и подсвечивая красным мусорные холмы. Легкий ветерок гоняет ударные миазмы, шурша бумагой и полиэтиленом. М-да, на сытое брюхо можно и романтиком стать. Нагнувшись, подобрал практически чистую цветную газету – судя по всему, аналог нашей бесплатной рассылки. Так, что там с датой? 27 июля 1992 года. Похоже, Христос в этом мире тоже был. Газета довольно свежая – в середине чуть-чуть пахнет типографской краской. Значит, сейчас где-то август. Интересно, сколько продлится тепло? Зима – смерть для бездомного. Хотя мне ли бояться смерти?

Встряхнувшись, поднял начавшего задремывать от сытости напарника, и мы заковыляли назад. Путь определял Солдат – похоже, у парня компас в голове. Без него бы точно заблудился. К шалашу вышли с последними лучами заходящего солнца. Но, прежде чем отправиться на отдых, решил слазить на ближайшую высокую кучу и осмотреться. Склон

из мешков со строительным мусором вполне подходит для восхождения даже для моего хилого тела. Минут десять старательно ползу, изображая альпиниста на карачках, и вот она, вершина. Держась за удачно торчащий угол рамы (кстати, деревянной), выпрямляюсь на трясущихся ногах и осматриваюсь.

Вот на востоке, довольно близко, ангары. Мусор вокруг убран, вычищена и идущая к ним асфальтовая дорога. От нее проложены несколько более светлых, похоже, насыпных гравийных. Дорога уходит на северо-восток, а там... точно, стена. Качественная бетонная, высокая. Она же и на северо-востоке, а на юг и запад, хотя против солнца видно плохо, свалка до горизонта. Да, помойка грандиозная.

С трудом спустившись вниз, с помощью Солдата кое-как разровнял кучу лохмотьев, и, по-братски поделив пальто, мы легли в стремительно наступающей темноте.

– Спокойной ночи, братишка.

– Соо, Сеант.

Утро разбудило солнечным лучом и прохладой. Сощурившись, я звонко чихнул, разбудив прижавшегося к боку напарника.

– Доброе утро, Солдат. Подъем, братишка.

– Поем, Сеант.

Одевшись и энергично растерев лицо (умыться бы), разобрал вчерашние находки. Развесил на стенках шалаша носки высохнуть и проветриться на солнышке, спрятал пакет с хозяйственной мелочовкой от греха подальше в строительных мешках и предложил:

– Пошли, Солдат, завтрак добывать. Еда, дружище.

– Еа, Сеант, – энергично закивал он.

Ушли от шалаша довольно далеко, по внутреннему ощущению – за километр. Судя по нарастающему зловонию гниющих пищевых отходов, карканью многочисленных ворон, рядом начиналась продуктовая помойка. А вот и она – площадка с невысокими кучами, следами мощных колес и копошащимися в отбросах конкурентами. Мощно смердит протухшим мясом, гниющей капустой и почему-то аммиаком. М-да, перчатки бы. И раковину с чистой водой. И еще помечтать, пока все съедобное не разобрали. Решительно сев на корточки к ближайшей куче, принялся за сортировку. Получасовой упорный труд принес нам с напарником полпакета подгнивших яблок и слив, несколько проросших луковиц, треснувшие помидорины, вялые огурцы и какие-то галеты в трех раздавленных пачках. Выяснилась и причина аммиачного амбре. Я здорово обрадовался, когда увидел солидный ломоть копченого бекона, очень симпатичного на вид. Но, подняв добычу, почувствовал от нее невыносимый нашатырный смрад. Кусок был весь в слизи, образованной толстой разлагающейся синтетической пленкой.

– Сеант, ось, нет.

– Да понял я, что это жрать нельзя. Не понял только, что за фигня.

Последующие аналогичные находки навели на правильную мысль. Похоже, местные химики разработали особую пленку для пищевых скоропортящихся продуктов, превращающуюся в едкое вонючее вещество по истечении срока годности содержимого.

– Хитро придумано. Потребителя тут любят и уважают, точно.

С трудом очистив руку о гниющую мякоть арбуза, продолжил поиски, размышляя – на какую глубину мог провоняться бекон. Жизненно нужен нож.

Ну никак не упиралось мне поесть раскопанное добро без мытья. Понятно, что грязи вокруг хватало, ковыряющиеся в кучах конкуренты (выглядят вообще опустившимися) засовывают в рот найденное прямо на месте, без следов душевных переживаний. Но воображение ярко рисует дизентерию, холеру и прочие радости невымытых фруктов. А смерть от поноса в ближайшие планы не входит.

– Солдат, нужна вода. Мыть, понимаешь?

Напарник неуверенно пожал плечами. Я показал, как умывался, как мыли руки. Опять пожатие плеч. Понятно. Будем искать.

Поиски закончились той же мягкотью колотых забродивших арбузов. Насколько помню, кишечные палочки спирт не любят. Правда, будут присутствовать дрожжевые, да и хрен с ними – аппетит разгулялся не на шутку.

Витаминчики прошли отлично. После короткого отдыха решил прогуляться в направлении шалаша в поисках воды и чего-нибудь мыльного. Но удача перестала нас баловать. Мешки шли выпотрошенные, сливая жидкости в две бутылки, мы еле набрали полпинты для питья и полторы для умывания. Одежда попадалась регулярно, но все было дико грязным и рваным.

Ближе к шалашу снова пошли нетронутые мусорные пакеты, но сил ковыряться не осталось. Плюхнувшись на кусок картона у жилища, постарался разложить впечатления от увиденного. Так, свалка хаотична только на первый взгляд. Шалаш и мы сейчас находимся в зоне строительного мусора. Еды тут нет, но нет и крыс с воронами. Восток – ангары, до них верхние мешки потрошенные, кучи здоровенные. Там мы шли, с едой плохо, но много домашнего мусора. Перспективный участок на бытовые мелочи. Где были офисные мешки? Ага, юго-запад, на границе со строительным участком. Что можно найти там? То, что выбрасывают из организаций. По крайней мере, засохшие ланчи (в животе громко заурчало) присутствуют. Сгруппировавшись, надо было подобрать ручек или карандашей, сейчас рисовал бы, как нормальный военный, карту, а не напрягал интеллект. Где рыночно-пищевая помойка? Как здесь принято – миля на юго-восток. Правильно, подъездная дорога идет к ангарам, от них, видимо, есть путь. Что осталось неохваченным? Юг. По логике вещей, там самая старая часть свалки. Экспедиция желательна, но, учитывая физическое состояние личного состава (я покосился на сладко дрыхнувшего на солнышке Солдата), на настоящий момент нереальна.

Так, товарищ майор в прошлой жизни, а что мы имеем из целей на настоящий момент? А имеем мы необходимость плотной разведки и сбора информации, что полностью с утра прое... профукано. Пример? Разгребание сто раз проверенных до нас куч у пищевой помойки. Где жратва – там и бомжики ковыряющиеся, от еды далеко не ползающие. А ты, идиот старый... поправка – малолетний, ни хрена не подумал, сил на бесполезное выискивание потратил немерено. Дальше. А дальше у нас сортировка. Будет норма в непосильном размере и темп под дубинками уголовных уродов. Сортировка мусора. Как справится с ней Солдат? Не знаю. Хотя стоп. Он явно поздоровее и посильнее меня, на момент моего... прибытия уже нормально двигался, места знает. Урюк бандитский его одинаково называл, видно, уже приметил. Будем надеяться, что одно такое мероприятие парень одолел. Как улучшить прохождение? Надо защитить тело и руки. Руки – особенно. Точно, нужны перчатки. А искать их надо здесь, в строительных отходах.

Размышления прервал звук колокола. Не понял...

Встрепенувшийся Солдат вытащил из-за шалаша два пластиковых ведерка.

– Ета, Сеант, ета.

– Еда? А, обед!

Очередь в открытые ворота ангара тянулась солидная. Рискнув дойти без привычной палки, я, придерживаемый напарником, оглядывал контингент, стараясь это делать естественно и незаметно. Да, зрелище печальное. Потухшие лица, неопрятные грязные космы волос, многочисленные болячки на коже. Соответствующий облику запашок перебивает даже вонь свалки, здесь, впрочем, более слабую. А почему? А потому что ветерок вдоль дороги, а там мусор убирают. Сколько же здесь народа? Примерный подсчет – человек триста, и все подходят новые. Мы с Солдатом уже в первой трети размереннодвигающейся к распахнутым воротам очереди. Внутри обалденно пахло горячим варевом. Под потолком тускло горели несколько ламп (цивилизация!), очередь принимает влево. Справа стояли, как

в дешевом кафе, разнокалиберные, частью самодельные столики. За ними восседают урки. Так, сколько их? Опустив голову, я исподлюбья, короткими взглядами веду подсчет. Человек сорок. Кто-то подходит, кто-то уходит. Даже официант мечется, порции выставляет. Посуда у них – керамика и стекло, ложки металлические, чашки, стаканы, даже хлеб в больших тарелках. Твари, «хозяева жизни». Жрут, курят, пьют что-то очень похожее на пиво. А вот и раздача – железный, мятый, с пятнами плохо очищенной ржавчины на боках бак на тележке, два мужика ловко машут черпаками. Один незнаком, а второй – тот самый дядька.

– Доброго вам дня, уважаемый.

Не переставая разливать, знакомый покосился и, не меняя кислого выражения лица, зачерпнул ощутимо поглубже и побольше. Его напарник так же не обделил Солдата.

– Благодарю, уважаемый.

Показалось или дядька действительно подмигнул? Но уточнять некогда – Солдат резко потянул к выходу и сразу за угол ангара. А почему такая спешка? Еле удержал баланду от расплескивания. Напарник, тревожно оглядываясь, вытащил из-за пазухи крышки и закупорил наши ведерки. Так, я, кажется, понял причину – за углом, возле выхода разгорается действие. Двое пинают валяющегося на земле третьего, он цепляется за ноги и тянется за отобранной посудой. За сценой с сытыми ухмылками наблюдает пара урок.

– Понятно, делаем ноги, Солдат.

Первые пять минут напарник тянул, как паровоз. Я весь запыхался, висел на нем и старался быстрее перебирать ногами. И только когда ангара скрылись за кучами, он сбавил темп, остановился, прислушался и заулыбался. Лежа в мусоре, подрагивающими руками крепко сжимаю горячий обед и никак не могу отдышаться.

– Поем, Сеант, поедем.

– Я понял, что подъем. Только совсем не поднимается.

Кое-как сумел встать на карачки. Друг привычно подхватил за талию, поднял, подал ведерко. Пошли. По дороге задумался об увиденном. Поесть на пищевой помойке имеется, идти относительно недалеко. Зачем отнимать обед? Явно не ради еды. А вот для самоутверждения уродов – вполне. Уже теплее. Значит, и среди низовой категории неравенство. Кстати, а уроды могут быть из разжалованных урок. Как там Кент сказал: «Для тебя закон – я»? Да, по воровским укладам моего мира так и выходит. Опустили, заставили отработать на сортировке – все, в парашниках. Понятно, почему Солдат так рванул – паренька, наверное, обижали не один раз.

С трудом доев обед (молодец, дядька, гуща и щедро), хотел было проверить окаменевшие на солнышке носки, но сил хватило только на заползти в шалаш и отрубиться. Хрен с ними: наверняка присохли – не оторвешь.

С носками разобрался часа через три (часов, однозначно, не хватает). Несмотря на пакостный привкус во рту, самочувствие вполне нормальное. А когда размял и выхлопал носки с полотенцем, понял, что снова с удовольствием вспоминаю об обеде. Ничего себе проглотил. Верный признак, что началось восстановление организма.

С пятого раза научив напарника управляться со шнурками – моторная память работает, молодец, братишка, предлагаю:

– Пошли, Солдат, носки обкатаем, надо офисными мешками еще пошуршать.

Он непонимающе улыбался. Я махнул в нужную сторону:

– Еда, Солдат. Искать, пошли.

– Пои, Сеант.

Есть понимание. Достаточно уверенно шагая, думаю о своем преданном друге. Моторная память есть, зрительная – аналогично, ориентируется хорошо. Повреждена речь на звонкие согласные, убита ассоциативная и сложная память, иногда слетает координация, но,

кажется, не так уже и часто, или я привык и не замечаю. Шишки вот только тревожат – воспалены и опять вроде сочатся.

Пара часов упорного организованного (Солдат таскал мешки, я вываливал и занимался сортировкой) труда дала хороший результат. Жменя шариковых ручек и карандашей, почти новая папка для бумаг из кожзаменителя со сломанной молнией, четыре одинаковых неисправных калькулятора, нож для резки картона с обломанным лезвием (остатка на заточку карандашей хватит), несколько чистых листов плотной бумаги, керамическая кружка с отколотой ручкой, настольные пластмассовые часы с большим жидкокристаллическим дисплеем. Часы, понятное дело, не работали, но мне интересно было заглянуть в начинку, как и в калькуляторы. И главное – еда. Сливая остатки жидкостей из пинтовых бутылочек, набрал пару пинт на питье и пинту умыться. Выбрав пластиковые пакеты почище, вытряхивал из одноразовых тарелок присохшие остатки лапши, каши (овсянка, сэр), ломтики картофеля. Подтаскивая два очередных мешка, Солдат каждый раз умильно-просяще смотрел на медленно растущую кучку сладких кусочков бисквита. Когда еды набралось на ужин, завтрак и добавку к обеду, я скомандовал конец работе. Ополоснув с напарником руки и лицо (вот принципиально приучу к гигиене), резво смели вкусные ломтики картофеля и честно разделили сладкое.

– Пакеты с едой надо подвесить под потолок, – выдаю умную мысль, наблюдая за обрабатывающими стопку очищенных тарелок крысами. А почему, кстати, они не погрызли мусорные мешки? Мешок, как мешок – плотный полиэтилен, завязка-удавка на горлышке. Наверное, полиэтилен тоже с хитрыми добавками, как и пищевой пластик. Так, самое время полистать прессу: среди офисных отходов попались два глянцевого журнала. Журнал женский – тряпки, украшения, реклама, мода, опять реклама, страничка пастора, комиксы. В общем, как и у нас – херня ни о чем. Журнал для мужчин: реклама, реклама, мода, фигассе, так, Солдат, это тебе еще рано, хотя так себе кобылки, комиксы. А что в комиксах? Зомби, вампиры, доблестная полиция, оргии. Любимое чтиво уродских уроков. Журнальчик приберем, для наведения контактов сгодится.

Совсем рядом с нашим жилищем услышал голоса. Хорошо, что тащились мы не спеша и молча. Дав знак Солдату, осторожно подбираюсь к строительной куче.

– Мля, отвечаю, здесь где-то уроды. Жрачку ищут, ща вылезут.

– Шило, мля, если бы не твое фуфло, уже дело бы сделали и в кости гоняли.

– Лысого своего гоняй. Я жмурав таскать не подписывался, дохляки для этого есть.

– Кент сказал...

– Да по херу мне, чо он сказал, я сам в законе. Ждем дохлятину, Боров.

– А если они сныкались?

– Тогда валю халупу, а завтра обоим урою, за жратвой, мля, подтянутся.

Так, ситуация без вариантов, с двумя быками не совладать. Спрятаться – останемся на ночь без шалаша, а завтра точно будет плохо. Значит, косим под дураков. Забрав пакет у Солдата, замаскировал добычу в куче (обидно, если крысы доберутся), закинул ему руку за шею, согнул, и мы заковыляли к шалашу.

– Во, мля, дохлятина! Где шарились, уроды?

– Так это...

– Чо «это»? Хавальник завали, Зомбак, – бандюк замахнулся дубинкой, но удара не последовало.

– Пшел!

Подпихиваемые дубинкой, мы направились в сторону ангаров. На тропе, в куче мусора лежало тело. Задравшаяся от волочения знакомая рубашка, торчащие ребра – истощенный парнишка, совсем еще мальчик со следами предсмертной муки на лице.

– Дохлятина, схватили жмура за копыта и прописались в дубовозы.

Черт, как мне захотелось кого-то убить! Перехватить дубинку и вбить поганый язык мрази в горло вместе с зубами!

– Че рогом целишь, тварь? Ща у меня схватишь!

– Остынь, Шило. Уроешь – троих тащить придется. Это же Зомбак с Полудурком, мля, два тупаря стертых. Он не въехал, вот и зырит. Слышь, дохлятина, берете жмура за ноги и тащите, понятно?

Рассудок боролся с ненавистью. Нет, шансов мало. Двое, с дубинками. Окончательное решение помог принять Солдат – шагнул к телу и затоптался рядом. Без его поддержки я понял, насколько еще слаб.

За ноги тянуть не стали – взяли за плечи. Паренек совсем легкий, бандюки идут сзади и покрикивают. Душа болит. Мой покинутый мир не самый гуманный, но этот... По лицу – русак, светлые волосы, курносенький, еще нет щетины – подросток, моложе Солдата. Друг тоже идет непривычно серьезный, выражение лица... а ведь он пытается вспомнить. Ну да, по логике – рубаха такая же, наверное, попал сюда с нами, но не выжил. Точнее, выжил Солдат – я-то занял чужое тело.

Боров заметил наши взгляды, или ему наскучил озлобленный напарник:

– Э, Зомбак, что, вспомнил его?

– Нет, не помню. А что, нас вместе привезли?

– Ну, дохлятина. Кажись, пятеро стертых, тебя вон Полудурок сразу схватил и утащил, а этот последний зажмурился.

– А Сол... моего кореша что, не с нами привезли?

– Не, Полудурок тут уже две сортировки кантуется.

– Харэ с тухлогонами рамсы тереть, Боров. А ну, резче, уроды!

Злобная тварь больно ткнула дубинкой. Пришлось замолчать и прибавить шаг.

Мы углублялись в старую часть свалки – точно на юг. Все меньше становилось свежего мусора, пропали вороны, все мешки выпотрошены, под ногами шуршит вечный пластик и разложившаяся от времени бумага. Сначала считал шаги, отмечая каждый километр, но на третьей тысяче силы кончились. Шило подталкивает дубинкой, сознание фрагментами выдергивает приметные места – пятна бывших пожаров, остатки бетонной конструкции, куча здоровенных автомобильных покрышек. По-моему, Солдат тянет нас обоих – мертвого побратима-партизана и меня, случайно не мертвого в этом мире.

– Харэ, дохлятина, присохни!

Я отпустил тело и рухнул рядом. Запаленное дыхание шевелит песчинки у носа. Песок? Бандиты уже не гонят, они стоят и что-то обсуждают. Слабая, но настойчивая рука потянула вверх. Тихий шепот:

– Сеант.

Нет, Солдат, не могу.

– Сеант, нао, Сеант...

Надо. Я понял, надо. Голова кружится, земля рывками убегает из-под ног. Но удалось. Обнявшись и покачиваясь, мы стоим метрах в трех от обрыва песчаного карьера. Удушающе тянет сладковато-тошнотной вонью. Внизу уже лежит плотная тень, но я все равно вижу полужасыпанные песком тела. Их очень много. Ставших костями, разложившихся и относительно свежих. Урки выбрали место, взяли труп парнишки за руки – за ноги, раскачали и скинули вниз. Глухой звук удара, взметнувшиеся с недовольным карканьем жирные вороны.

– Присыпем?

– Забей, Боров, так повалается. Канаем.

Проходя мимо нас, Шило злобно оскалился и махнул дубинкой:

– Слышь, мож, и дохлятину туда, чтоб потом не канать? Чо, Зомбак, зарядишь жмурам компанию?

Резкий толчок, мы шатнулись к обрыву.

Еще толчок. Собрав силы, ощущая, как сжался под рукой Солдат, я хрипло ответил:

– Можно. Тогда для нас все закончится сейчас. А ты подумай, кто пойдет на сортировку, если закончатся все такие, как мы.

– Ты че провякал, тварь?

Урод, замахиваясь, шагнул ближе.

– Шило!

Резкий оклик остановил занесенную руку. Боров с нехорошим прищуром смотрит на напарника:

– Зомбак по закону сказал. А ты, Шило, против закона идешь.

– А ты кто такой, Боров, мне указывать?

– Кто?

Змеиная ухмылочка неузнаваемо изменила круглое лицо Борова. В руке блеснул нож:

– Я при пере, по закону.

– Слышь, Боров, ты, типа, это, не ныряй в обманку...

– Не ссы, Шило, я все понял правильно. Канай вперед и думай, что будешь петь на правке.

Растерянно оглядываясь, Шило пошел к ангарам. Боров покосился на нас:

– Твое счастье, Зомбак. Ну ладно, я позырю еще, как ты на сортировке будешь.

Бандиты ушли. Земля неудержимо тянет вниз, но я напрягся и сделал первый трудный шаг.

– Пойдем, Солдат, домой.

– Пои, Сеант.

Пусть тяжело и медленно, но шагаем. Вот уже пропал страшный запах карьера, потянулось рыхлое поле старой свалки. Сколько же мы отмотали? Километров пять? Наверное. Солнце уже заходит, рельефно высвечивая натопанную дорогу. Дорогу жертв. Да, свалка, где заканчиваются человеческие жизни. Пятеро. Стандартная цифра – боевая пятерка. А Солдат? Хлопчик был совсем молоденький. Может, связной?

– Солдат, ты его вспомнил?

Друг, гримасничая, морщится.

– Узнал, но не можешь вспомнить?

– А, Сеант, а, – закивал напарник.

Это значит: «Да». Мы вдвоем – все, что осталось от ячейки сопротивления.

Черным пятном вдали замаячила куча покрышек. А ведь солнце сейчас зайдет. Точнее, уже зашло. Ночь упала быстро. Луна и звезды чуть подсвечивают путь, выдерживаю курс по Полярной звезде. Бедняга Солдат не видит ничего. Он поддерживает меня, я веду его. Иногда уходит ощущение реальности – снова иду от технической территории полярной ночью, по заснеженной дороге в теплую квартиру к жене и маленькому сыну. Встряхиваюсь – и вижу грязно-молочное поле с неряшливыми кучами проклятого пластика. Миновали зловеще и необычно выглядевшие в свете луны остатки бетонного строения. Снова поле, снова под звездным ковром уходит реальность. Друг ведет меня? Тогда почему его рука на моем плече и я поддерживаю его за талию? Не бойся, Солдат, я веду, темнота не страшна. Под рукой исчезают пятна страха, сияют вера и преданность, лучится улыбка на лице. Идем, друг, идем. Запах застарелой гари – две трети пути позади, вон они, там, наши строительные кучи, шалаш, ставший домом в этом проклятом мире. Кто идет за нами? Кто протягивает бесплотные руки и смотрит с раздражающей душу мольбой? Вздогнув всем телом, я остановился. Жалобно всхлипывая, плачет Солдат на плече. Я видел. Я точно их видел.

– Солдат, ты видел?

– А, Сеант, а.

Вот так, я стал видеть призраков. И не один. Обернулся – никого. Вон, похоже, наши кучи. Где-то рядом шалаш.

– Отставить слезы, братишка. Ты же Солдат. Пойдем полегоньку, дом искать.

Искать не пришлось – чутье привело куда надо. Остатка сил хватило только на то, чтобы снять кроссовки.

Разбудил Солдат и звук колокола:

– Ета, Сеант, ета.

Еле встал – все тело онемело. Но по дороге разошелся и почувствовал себя бодрее. Ничего себе поспали. Да и немудрено – после такого похода. Километров десять отмотали, что для нашего здоровья – подвиг. Вспомнив вчерашнее, поежился – привиделось или нет, но страшно. Вот и очередь. Так, интересно – из-за ангара под контролем урок выходит неровная колонна и пристраивается за нами. Работники сортировки. Сколько их? Человек за сто. Значит, есть две группы, меняющиеся по очереди и работающие по десять дней. Получается, меня Солдат уволок сразу после своей сортировки. Крепкий парень. Ничего, судя по вчерашнему, и у моего нового тела есть резервы.

Вежливо поприветствовав знакомого раздатчика (Солдат тоже кивнул и промычал с доброй улыбкой), мы получили усиленные порции и, прикрываясь выходящими, резко ушли за угол. Но злобную рожу Шила я успел заметить. И кого это он там высматривал? Не иначе как нас, больных. Надо держать ухо востро.

Обед прошел превосходно. Передохнув, вспомнил о вчерашней добыче. Отлично – крысы не лазили. Просто идиллия: я рисую карту остро заточенными карандашами, Солдат с наслаждением выводит разноцветные каракули, греет солнышко и в животе не пусто. Так, у меня готово. А у него? Добавляю на свободном месте двух держащихся за руки человечков, одного – с улыбкой. На счастливом лице друга неземной восторг:

– Сеант, Салат.

Опять приходы – в солнечном свете вижу его ауру и чувства. Закрываю глаза, пара интенсивных вдохов – все нормально.

Отдохнув, позвал напарника к строительной куче. Руки у нас, как у трубочистов, порез или царапина неизбежно приведут к нагноению. Нужны рабочие перчатки, на крайний случай – рукавицы. Вдумчиво обошел вокруг. Примерно понятно: где-то разобрали внутренние конструкции помещения, все сложили в мешки. Мешки двух типов – толстый полиэтилен и из синтетического волокна. Вспомнился художественный фильм: грузчики в порту в разрезанных с одной стороны мешках в качестве защиты от дождя. Точно. Дождя пока нет, но полиэтиленовые плащи не помешают. Выбираем пару сверху из тех, что получше. Вытряхнув легкий строительный мусор (упаковка, картон, куски старых обоев, обрезки пластиковой облицовки), вернулся к шалашу. Выравниваем мешок, аккуратно режем одну сторону.

– Солдат, становись. Смирно! Вольно. Ну, как?

Получилось неплохо – капюшоном целый угол и плащом полы. Надо будет придумать пояс, закрепить и вполне нормально. Накидки в шалаш, пошли снова копать.

Успех принес пахнущий краской мешок: пара матерчатых перчаток (в краске, но целые) и десяток слипшихся резиновых. Опробуем. Резину пришлось подвязать, чтобы не сползала. Отлично – руки защищены. Солдат новинку оценил и явно понял, зачем она нужна. Роемся дальше, тяжело, но надо. Находки попадаются редко, но стабильно: несколько увесистых брусков черного отделочного камня, гнутые гвозди-сотки, пропитанные пылью рабочие штаны на лямках (самое то на сортировку), маленький шпатель в засохшей шпатлевке, перчатка, еще одна, сразу три штуки, но рваные. Мешки становились все тяжелее, шел сплошной строительный мусор – куски раствора, осколки кирпича, рванина старых обоев. Последняя находка – три пыльных журнала для мужчин. Краска, кстати, была опять в пластмассовой таре. Что-то совсем плохо с металлами.

– Все, братишка, хватит. Перчатки есть, а здоровье не железное. Пойдем попьем да умоемся, чем осталось.

Сидя у жилища, я рассматриваю вскрытые образцы продукции местной электронной вычислительной промышленности. Расплющенный и заточенный на манер отвертки гвоздь со шпателем послужили разборочным инструментом. Отличия деталек от наших имеются, но только касаются формы (много круглых) и маркировки. Синие пластинки в калькуляторах – сто процентов солнечные батареи. А аккумуляторы пошли солью и зазеленели. Впрочем, не все. Вот нормальный на вид, а здесь согнут контакт – криворукий впихивал. Собрав и отложив на солнце один калькулятор – может, подзарядится, перешел к часам. Ага, сломана защелка батарейного отсека. Поддеваем... опять аккумуляторы. Разбираем корпус. Ничего сложного. Поломок внутри не видно, наверное, питание кончилось, заменить не сумели. А я что могу сделать? Часы очень бы не помешали. Напрягаем инженерный ум.

Через десять минут грею кончик еще одного гвоздя газовой зажигалкой. Другой конец обернут бумагой, рука в перчатке – соблюдаем технику безопасности. Регулярно меняя зажигалки (матчасть надо беречь), прокаливаю гвоздь. Серьезный (редкий случай) Солдат осторожно тянет пластинку солнечной батареи. Касаемся пайки... готово. Припой точно как мой родной, что не может не радовать. Пластинку с проводками откладываем, берем следующую плату.

Мы ужинали офисными запасами (аппетит растет – похоже, подьемим все), я поглядываю на свою конструкцию. Полоской скотча к часам примотан прямоугольник пластика, на нем сборка солнечных батарей, также закрепленная скотчем. Пайка без флюса, конечно, хреновая, но вроде держится. Нет, сегодня вряд ли запустится – ток маленький, целый день заряжать надо. А не пройтись ли нам перед сном за водичкой, а то уже и зубы почистить на ночь охота? Доверюсь напарнику:

– Солдат, нужна вода. Пить.

– Пои, Сеант.

– Пошли, братишка.

Совсем другое дело ложиться, умывшись и почистив зубы. И пусть экономя попахивающую пластиком газировку, выброшенной кем-то щеткой и подсохшей пастой, но все равно хорошо. Солдат тоже принял участие в процедуре, судя по уверенным движениям, дело для него было привычным. Эх, еще бы помыться, ногти подстричь... ладно, это фиг с ним, но завтра с утра побреюсь обязательно – нельзя опускаться.

Ночью сквозь сон несколько раз слышал рев мощного мотора. Брея совершенно незнакомое лицо, угадываемое в отражении на куске фольги в качестве никакой замены зеркалу, прикидывал, что это могло быть. А что тут думать – мусор завозили. Днем-то машин не видел. Почему не слышал раньше? Потому что дрых без задних ног. Надо навестить свежачок. Пищевая помойка поразила многострадальцем. Урки оцепили территорию свежего отгруза, работяги в довольно приличных халатах ведут загрузку контейнера, опустившиеся доходяжки ковыряются вокруг. А, это же кухня трудится.

– Нет, Солдат, нам сейчас лезть ни к чему, пойдем в квартирных отбросах покопаемся.

Два заросших мужика покосились на нас, но обошлись без приветственных речей, и, набрав пакеты, вскоре вообще ушли.

Дернуть мешок, распороть, вытряхнуть, порыться. Слегка вплавленные, закрепленные скотчем на ручке швабры загнутые «кошкой» гвозди экономят время на наклонках, заточенный шпатель работает маленьким ножом, резиновые перчатки понижают чувствительность пальцев, но спасают от порезов – битое стекло попадает постоянно. А еще намазал себе и Солдату руки остатками крема из тюбика – для здоровой и мягкой кожи. Упаковка, упаковка. Полуфабрикаты и готовые продукты. Много газет, попадают журналы. Последние откладываю в стопку – надо полистать на досуге, вникнуть в мир. Рядом в пакет

складываются недожатые тюбики кремов и паст, одежда, подходящая по размеру (вся летняя). Третий пакет – засохшие печенюшки, хлопья, недоеденные кусочки выпечки и хлеба. Вздувшийся пакет сметаны, превратившееся в простоквашу молоко – берем, молочнокислое полезно. О, треснувшая коробочка теней – точно, зеркальце есть. Сейчас смотреться не буду, отложим до дома. Разобрался и с моющими средствами – здесь они используются исключительно в виде густых жидкостей. Пожертвовал для начала четвертью пинты пепсиподобной газировки – замываю разнокалиберные емкости, сливая густеющую жидкость с пеной в удобную канистрочку из-под «смеси для стирки белого белья». Народ напитки в бутылках жалует – тары очень много. К счастью для нас, не всегда пустой. Три пинты смеси питьевой воды, газировки и соков, пинта сидра (к кухонному дядьке подкатиться – в знак признательности и для упрочнения контакта), уже почти полная канистра моющего средства.

– Хватит, Солдат, завязываем. Пошли, оттащим все домой и перекусим перед обедом.

Одежда пошла на просушку, хозяйственная мелочовка и напитки – в нычку строительной кучи (могут нагряться бандюки, да и вообще – замков нет), мыть приятно пахнущие кремом руки и откусать, что бог послал.

– Да, братишка, недурственная молочка.

– Усно ета, Сеант.

– Точно, еда вкусная. Стоп, Солдат, это оставим на ужин.

Подвесив пакет в шалаше, вспомнил про заряжающуюся на солнце в не приметном месте электронику. Калькулятор... Нажатие «On» – работает. Цифирки бегают, считает правильно. Кладем на место дозаряжаться. Часы... Облом. Не реагируют. Но ведь там и аккумуляторы помощнее. Пока оставим. Только потянуло подремать на солнышке – обеденный колокол. Идем.

Процедура вручения благодарности дядьке прошла идеально – я и рта не успел открыть, как бутылочка оказалась за баком. Знакомец кивнул и многозначительно показал глазами на своего напарника.

– Постараемся.

Все, очередь унесла нас. У выхода пришлось притормозить – опять разборка. Но на этот раз развлекающиеся уроды, не подумав, что-то ответили бандюку с дубинкой. Соответственно, тут же были этой дубинкой поощрены. Да, издевка судьбы – быки в роли надсмотрщиков, авторитеты управляют лагерем. Еще и закон есть. По дороге задался вопросом: «А где живет основное население?» Аналогичные нашей с Солдатом постройки видел у пищевой помойки (кстати, надо сходить за витаминчиками). Но не на триста же человек. А сколько у нас ангаров? Не меньше пяти. Один – столовая, самый большой – сортировка, бандиты живут в еще одном. Минимум два – на остальных. Понятно, где живет народ зимой. Нет, хоть ночью и прохладно, но пока к ним не тянет. Здоровья – отстаивать свое место под солнцем – еще мало, терпеть издевки неохота, да и не похоячишь – все хорошее отберут.

Прибытие домой взволновало – я сразу увидел торчащие из шалаша ноги. Прячем варево, подбираемся...

– Вот же мразь!

Грязнющий, с могучим амбре, опустившийся мужик валяется на нашей постели.

– Он еще и обосрался! Слышишь, тварюга, вставай, уматывай!

Ноль эмоций. Но живой – слышен храп, спит. А ну-ка, наклонимся. Точно, ужратый. Нашел чем набухаться.

– Солдат, хватай за ногу, вытаскивать будем.

Вытягиваем за ноги, подхватываем за плечи, волочем – амнезия полная. Только еще раз зажурчал, мразина. Оттащив почти до продуктовой помойки, бросаем.

– Пойдем обедать, братишка.

Вытащив пованивающую рванину из шалаша на солнце, вымыв руки и лицо с жидким мылом (гигиена), мы наконец добрались до горячего. С хлебными корками (висящий пакет алкаш не тронул) и сладкой горчицей разваренная баланда прошла на «отлично». Запив водно-соковым коктейлем, почувствовал себя совсем хорошо.

– Аж вспотел, так поработал. Ты как, Солдат?

Улыбка на лице напарника выражает полное удовлетворение. Солнышко греет, в животе не пусто, в сон клонит. Правильно, послеобеденный отдых прописан больным для ускорения выздоровления. От сна оторвал странный звук. Мелодичный перелив, вроде как птица или... Часы! Бегу доставать. Дисплей контрастно показывает «PM 2:37», внизу строка календаря. Сегодня пятое августа 1992 года, среда. Обалдеть. Жму кнопки. Секундомер, будильник, подсветка. А это? Цифры пригасли, опять мелодичный перелив (восхищение на лице напарника), все показывает. Ага, пропадает мелким шрифтом надпись «коррекция». То-то мне часть схемы на приемный контур похожей показалась. Не слабо – автоматическая радиокоррекция по сигналу станции. Значит, дата и время реальные. Отключаем полностью звуки, возвращаем к калькулятору на дозарядку. Мда, здорово, аж спать перехотелось. Надо поработать – берем палку-цапалку, шпатель, мажем руки кремом (ночной питательный для лица), надеваем резиновые перчатки и вперед – к офисным залежам.

Отошли недалеко – попался мешок, явно потерянный нашим обгадившимся визитером. В объедках – четыре пинтовки просроченного крепкого (13 градусов) сидра. И пять пустых бутылочек валяется рядом. Ликвидируем улики: объедки вытряхиваем, пакет и пустую тару бросаем подальше, пинтовки в мешочек почище и назад – прятать добычу.

Не зря говорят, что возвращение – к неудаче. Сколько потрошим мешки – и крысы в большинстве до еды добрались, и калькуляторов всего пара. Ручки, карандаши – это привычно, как и журналы. Сетевой шнур от электроники (жила обломана у вилки), остатки скотча на двух катушках, симпатичная прозрачная пластиковая папка для бумаг, кусок линейки (шкала в дюймах), понемногу пополняются запасы воды. Все. Остальное – бумага. Большею частью, заполненные от руки бланки, четверть – цветные, местами расплывшиеся от влаги, распечатки на струйном принтере, много и от печатных машинок. Нет, принципиально добиваем эту кучу – благо, мешков двадцать осталось.

– Терпение и труд все перетрут, братишка.

– На, Сеант.

Уставший и довольный Солдат протягивает еще один калькулятор, а в мешке видна хорошая добыча. Похоже, игрался корпоратив, и уборщицы смели наутро все, особо не разбираясь. Фаянсовая кружка, целая, в остатках засохшего кофе, две металлические чайные ложки, пяток пластмассовых тарелок (нормальных, не одноразовых, с красивым рисунком), несколько неполных пачек сигарет и зажигалки, остатки печенек, бисквитов, хлебцев. Даже шоколадная конфета («Солдат, открой рот, закрой глаза») и полтюбика понравившейся горчицы. Остальное съедобное, к сожалению, испортилось и весело плесневеет на одноразовой посуде. Следующий мешок – опять повезло. Куча бутылок от того же, похоже, корпоратива. Щедро отдыхали – виски, бренди, вина... Нам достались минералка и томатный сок. Добиваем мешки – ничего путного, кроме подмоченного рулона туалетной бумаги. Подойдет, высушим – используем.

К жилищу подбирались осторожно, но посетители на сегодня закончились. Время: «PM 6:40». Еду подвешиваем, мелочовку в нычку. А заняться надо нашей постелью. Отбросив безвозвратно погибшую и воняющую дерьмом рвань, задумался над интересной идеей. Реализуем. Четыре мешка из синтетического волокна тщательно выбиваем, наполняем рваной одеждой. Раскладываем на картоне пола. Еще два мешка наполняем на треть утеплителем из строительной кучи, сворачиваем. Подушки готовы, кладем. Где наши шторы? Выбиваем. Вот и две простыни. Сверху многострадальное пальто.

– Как, братишка, тебе наша постель?

– Хоо, Сеант.

– Вот и я думаю, что хорошо.

После ужина я прикинул время до захода солнца: час еще точно есть. Надо подкатиться к кухонному дядьке – они ведь где-то воду берут. Прихватим-ка пару бутылок крепкого сидра и пару журналов для мужчин. По дороге инструктирую напарника:

– Солдат, к ангару, где еда, я пойду один. Ты стоишь с пакетом и ждешь. Если ко мне пристанут уроды – уходи. Я подойду сам потом. Главное, чтобы пакет не отобрали. Если найдут сидр – нам жизни не будет. Будут искать и отберут все наши вещи, да еще и побьют. Понял, братишка?

– А, поня, Сеант.

– Хорошо. Не подведи.

У ангара пусто (интересно, когда ужин у сортировки?), только у входа курит знакомый персонаж. Боров. Рискнуть и подойти? Рискну.

– Доброго вечера вам.

– Здорово, зомбачек. Пожрать приперло?

– Нет. Мне бы знакомого увидеть. Он тут на раздаче работает, дядька в возрасте.

– Черп? Зачем тебе?

– Надо. Поговорить, спросить одно дело.

Боров смерил меня недоверчивым взглядом, подумал.

– Ну, жди, сейчас позову.

– Благодарю вас.

Минуты через три вышел дядька-раздатчик

– Чего тебе? Жрать нет.

– Я не жрать. Подарочек принес. Отойдем?

– Интересно. Пойдем.

За углом я махнул Солдату.

– Вот, наша благодарность.

Черп недоверчиво глянул на этикетку, аккуратно свернул пробку (зашипело, приятно запахло яблоками), сделал пробный глоток.

– О, как здорово! Еще есть?

– Нет. Найдем – принесу. А журналы не нужны?

– Нет, эти я не люблю. «Колониан географикс» попадется – тащи. Люблю про путешествия. А эти Борову отдай, он сейчас с корешем перетрет и подтянется.

– Хорошо. А не подскажете, где бы нам водичкой разжиться – вещички постирать.

– Чего?

Мужик с изумлением смотрит на нас.

– Ты какой-то неправильный. Первый раз вижу, чтобы стертый хотел вещи постирать.

– Не знаю, Черп. Так как насчет воды?

Дядька задумался.

– В три ночи для завтрака набирать будем. Днем дать не могу – запрещено, законники следить будут. А как ты к трем ночи подойдешь?

– Это моя проблема. Куда и сколько тары можно взять?

– Тары сколько унесешь. А подходить... Вон к тому углу. Если опоздаешь – уходи, ничего не получишь.

– Понял, буду.

Черп, кивнув, отошел. Вот и Боров.

– Уважаемый, вам журналы нужны?

– Ха, ты меня второй раз удивил, зомбачок. Давай. О, отличные телки! И за что это так?

– За закон у карьера.

Бандюк расплылся в улыбке.

– Да, Шило конкретно попал. И поделом ему, не люблю борзых.

– Я еще хочу журналов принести. Как вам отдать?

– Слушай, зомбачок, говори просто – на «ты» и «Боров», забодал своей культурой. А журналы – да хоть в обед, спроси у любого из наших законника Борова.

– А как правильно обратиться, чтобы дубинкой не схлопотать?

– Да так и спрашивай: «законник». Мля, своим скажу – оборжуются – вежливый зомбак. Ты кореша своего нормально базарить, в натуре, еще не научил?

– Еще нет, законник Боров. Так мы пойдем?

– Канай, канай, вежливый зомбачок.

Уф, кажется, дело сделано.

По пути в шалаш вспоминал разговор с Боровом – что-то в нем показалось странным. Так, кажется, уловил – вместе с бандитским лексиконом проскакивает и нормальная человеческая речь. Черт, сужу ведь по своему миру. Неизвестно, как все обстоит здесь.

Я сижу у шалаша и в свете заходящего солнца изучаю в маленьком зеркальце новое лицо. Рядом, стараясь заглянуть через плечо, ждет своей очереди Солдат. Ощущения, мягко говоря, спорные. Все, что ты чувствуешь своим – чужое. И любая гримаса в зеркале это подчеркивает. Не урод, не красавец, худое, но уже не болезненное (вон, даже румянец углубляется) нормальное лицо. Сколько лет? Двадцать, двадцать три. Не мое. Хотя взгляд, да и цвет глаз... Это да. Мысленно поблагодарив предшественника и пожелав ему Рая (распадающаяся оболочка, боль и безумие искры), отдаю зеркало напарнику. Он поймал взором отражение, улыбка стала шире, а потом стала уменьшаться. Сосредоточенно наморщившись, с болезненной гримасой, напарник что-то вспоминал. Вдруг резко вскочил, уронив зеркальце, обвел потрясенным взглядом мусорный пейзаж, шагнул ко мне.

– Сеант!

Уткнувшись в плечо, Солдат горько плачет. Худое тело сотрясается от рыданий. Я осторожно, обходя шишки, глажу его по голове:

– Успокойся, братишка. Не плачь, ты же Солдат.

Наконец слезы иссякли. Сначала неуверенно, потом привычно, он немного смущенно улыбнулся. Из глаз ушли глубинные прояснение и ужас, отравленное в лабораториях сознание личности снова легло в забытие на дно души. Бедный парень. Не бандюк, не мразь человеческая, стал расходным материалом, использован и выброшен на свалку. Мир процветающего фашизма. «Неграждане третьего разряда». Твари.

Заломило голову, похоже, и я перенервничал. Надо отвлечься. Главный вопрос сейчас: сколько унесем в литрах. Потянем по десять кило? Должны. В офисных залежах были здоровые бутылки с ручками.

– Солдат, быстро идем за тарой, пока солнце не зашло.

Пи-пип, пи-пип – на часах стоит подсвеченное «АМ 2:15». Тяжело вставать, но надо.

– Подъем, Солдат.

Помог со шнурками, потянул к ангарам. Черт, он же не видит ночью! Как я мог забыть? Руку мне на шею, обнимаю за талию, перехватываем бутылки, шагаем. У ангара стало получше – кое-где над входами тускло горят лампы (кстати, столбов с проводами не видел), нет мусорных куч под ногами, долетают лучи фар с дороги. Стоим, ждем. А вот и наш знакомый при пластиковом фонаре со свечой внутри.

– Доброй ночи, уважаемый Черп.

– Ты смотри, все-таки пришел! А я сомневался, думал, Зомбак языком мелет.

– Как можно, уважаемый? Дал слово – держи. Вот и журналы ваши, про путешествия.

– Ну, вообще молодец. Еще принесешь? И сидру тоже?

– Постараюсь. Повезет найти нам – будет и вам.

– Поищи. Я едой не обделю – Черп добро помнит. Давай пойдем, мои уже качать, наверное, заканчивают.

На огороженном невысоким пластиковым забором участке стоит обычная колонка с ручным насосом. Два мужичка (одного знаю – напарник дядьки по раздаче) сидят на тележке у наполненных водой баков.

– Что долго так, Черп? Из-за дохляков, что ли, попусту сидим?

– Попусту ты, Ложка. А я (дядька подсветил фонарем стопку журналов в пакете) с прибылью.

– Ух ты. Дашь полистать?

– Как попросишь. Могу даже пересказать.

– Сговоримся, Черп.

– А то. А пока накачай ребятам воду в бутyli.

– Подставляй.

Насос скрежетал и сипел, мужик размеренно (вот у кого с силой нормально) работал рычагом.

Наконец с фырканием, толчками из трубы забила темная в слабом освещении вода.

– Благодарю, уважаемый Ложка.

– О, точно Боров базарил – вежливый Зомбак! А это твой кореш Полудурок?

– Можно сказать и так.

– Интересные дохляки. На сортировке были?

– Я первый раз пойду, а мой друг две отработал.

– Да, жаль, если ты зажмуришься. Хотя... Воду сам потащишь?

– Конечно, возьмем по бутyli в руку и пойдем.

– Тогда, может, и не зажмуришься.

Нести тяжело. Совсем плохо стало, когда зашли за кучи и Солдат перестал видеть.

– Стой, братишка. Давай ты остаешься здесь, а я оттащу тару по одной и проведу тебя.

Да и одна бутылка – не малина. Хорошо, что вчера крышки нашел, расплескал бы половину. Шалаш. Ставим и назад. Со второй вообще поплохело. Пришлось остановиться и подышать минут пять. Назад даже пустым идти нелегко.

– Погоди, дружище, передохну. Пожадничал, силы не рассчитал.

– Сеант, есте, есте.

– Вместе предлагаешь? Попробуем.

Плечом к плечу, поддерживая друг друга, спотыкаясь, на заплетающихся ногах еле дошли. Накрываем тару картоном, снимаем кроссовки, смотрим время – ого, пятый час. Все, спать. Здоровый сон продлился почти до обеда. Только и успел, что отложить журналов с комиксами и кобылками да получше спрятать емкости с мутноватой водой.

– Уважаемый законник, вы не могли бы позвать законника Борова?

– Ахренеть. Ты кто?

– Зомбак.

– Мля, Боров пари выиграл. А все думали – порожняк гонит. Ну-ка, вякни еще чо.

– Уважаемый законник, я думаю, что законник Боров выйдет с удовольствием – он выиграл. А кто проиграл пари?

– Мля, вежливый Зомбак, гы-гы. Шило с Кожаном, фуфлыжники, просрали, гы-гы. Ща, жди.

Дожевывая, из ангара выходит Боров. Лицо его просто лучится удовольствием.

– Ха, зомбачок! Как, не кашляешь?

– И тебе здоровья, законник Боров. С выигрышем.

– Да, мля, Шило с Кожаном попали. Кожан расплатится, а вот Шилу – кранты. Что в мешке?

– Журналы. Эти – с комиксами, эти – с женщинами.

– Ну-ка. Мля, нормально. Путем. А что еще дельное есть?

– Так я же не знаю, что в цене, что надо.

– Мля, я и забыл, что ты стертый – базаришь по делу, башка варит. Короче, шмотье поновее, бухло, ну, с градусами, журнальчики, курево... Если что необычное, чтобы лампочки там, с кнопками – все ко мне. Уяснил, зомбачок?

– Я понял, законник Боров. Только тут проблема вырисовывается: Шило с Кожаном ведь отомстить захотят. На законника они не прыгнут, а меня с корешем ведь и убить могут.

– М-да? Что, складно базаришь, в масть. Ладно, я с братвой перетру. Но на сортировке каждый отвечает за себя сам.

– Да я согласен, только чтобы по закону все было.

– Не ссы, зомбачок. Когда поднесешь? По роже твоей хитрой вижу, что нычка есть. Так?

– На понт берешь, законник Боров. Как добуду, так и принесу.

– Ха! Ну, лады. Куда щас?

– В очередь, за обедом.

– Для Борова очередей нет. Где твой кореш?

Я махнул выглядывающему из-за угла Солдату, и Боров повел нас в ангар к раздаче.

– Стоять, дохлятина.

Заросший, с застарелым могучем амбре мужик испуганно сжался и отшатнулся от бака.

– Ложка, сделай по-щедрому.

Да, столько нам еще не наливали – до краев. И, похоже, мяско проскочило. Вместе с Боровом подошли к выходу.

– Не ссы, Зомбак, канай, я позырю.

– Благодарю, законник Боров. До свидания.

– Тебе не кашлять.

При всем желании и аппетите съесть такие порции не получилось. С тугим, как барабан, животом, вспотев, отваливаюсь от ведерка. Еще треть осталась.

– Солдат, я готов. Ты как?

Напарник с осоловевшим видом через силу добывает свою половинку честно разделенного пополам кусочка проваренного бекона.

– Давай, братишка, оставим на полдник. У нас еще хлебушек есть, горчица. А сейчас пойдем поспим.

– Пои, Сеант.

Сон – лучшее лекарство. Проснулся бодрый, с настроением поработать. Не заняться ли нам стиркой? Давно пора.

Еще при разборке строительных мешков отложил три пластмассовых ведра литров по семь. Теперь два шкурю шпателем от остатков засохшей белой краски, третье Солдат аккуратно отбивает от штукатурного раствора. Споласкиваем, переливаем воду. М-да, осадок грязи на дне бутылей заметный. Без кипячения пить опасно. В первом ведре замачиваем, во втором будем стирать, а третье – полоскать. Начать надо с трусов, пары самых крепких футболок, всех целых носков и полотенца. Где наша канистра с моющей смесью?

Первый раз в этом мире ложусь спать с потрясающим ощущением чистоты. Выстирав и развесив вещи, мы с Солдатом намылились и вымылись сами, вылив на себя и грязную воду для замачивания, и не менее черную стирочную, и мутную для ополаскивания. Израсходовалось и отложенное НЗ в четвертой емкости. Но оно того стоило. Завернувшись в шторы, умиротворенно доели все продуктовые запасы, попили из чистых настоящих чашек

водно-соковую смесь. До захода солнца напарник рисовал, я из нескольких неисправных поясных ремней делал два рабочих – хватит нам шпагатом подпоясываться, довел до ума дождевые накидки. Нарастил длину, ширину, подклеив скотчем полосы полиэтилена, скотчем же прихватил обрезки шпагата – получились завязки.

Я сидел во главе длинного стола. Жена, сын, сильно постаревший отец, вся родня что-то обсуждали, выпивая без тостов и закусывая. Слов не слышу, но знаю – говорят обо мне. А где моя тарелка? Стеклопанная стена отгораживает застолье, в спину тянет зябкой сыростью, нарастает тревога. А за столом уже все молчат и горько, со слезами смотрят на меня. Что? Нет! Рванувшись к ним, ударился о твердь стены, и сон рассыпался.

Тянет прохладой, в щелях сереет рассвет, подсыхают слезы на щеках. Прижавшись теплой спиной, тихонечко посапывает Солдат. «Девять дней», – я это знаю точно. Девять дней прошло там, в моем мире, покинутом навсегда. Воспоминания о прошлой жизни пролиставались в памяти: школа в военном городке, военное училище, увольнительные, отпуска, стажировки, встреча с будущей женой. И вот лейтенантские погоны, первая воинская часть, рождение сына. Командировки, служба, дом. Тоска подхлестывает чувства, страницы жизни мелькают быстрее, ярче, и так до последнего дня, до молнии, оборвавшей прошлую жизнь и начавшей новую. Я помню и фрагменты из безвременья о будущем родных. Спасибо, Господь, за это.

Прогорев, печаль тихо спряталась в глубине души вместе с первыми лучами солнца.

– Подъем, Солдат, для нас наступает рабочий день.

– Поем, Сеант.

Мы опять слаженно «бомбим» бытовые кучи. И пусть они бедноваты на еду (с трудом накопили засохших печенек, хлопьев и корок на завтрак), зато одежда, журналы, раскрошившиеся сигареты в мятых пачках попадаютс регулярно. Набрал несколько пар сломанных солнцезащитных очков (может, починю), зажигалок, а главное – нашли гнутые маникюрные ножницы и жменю таблеток и пузырьков из просроченной аптечки. Не забыл и про моющие средства, и про недодавленные тюбики. В общем, на обед идем с хорошим настроением.

Расположившиеся у входа в ангар бандюки сгоняли всех приходящих в одну кучу. Попались и мы с Солдатом. Стояли со своими ведерками, наблюдая, как в ангаре исчезает хвост очереди пришедшей на обед сортировки. Напарник, да и остальные не дергались, похоже, такие сборы случаются регулярно. Новые люди практически перестали подходить, и из кольца бандюков выдвинулся один.

– Ша, завалили жральники, дохлятина! Сегодня с вечера вы, уроды, подрываетесь на сортировку. Как заходит солнце – жратва. Мля, все поняли, дохлятина? Кто снычитс – хана, уроем, в натуре. Все, жрать, твари.

Толпа качнулась, двинула к воротам.

– Зомбак, канай сюда.

– Доброго дня, законник Боров.

– Не кашлять. Есть что?

– Журналы там остались, а принес – вот.

Заглянув в пачку сигарет, Боров расплылся в улыбке:

– Путем, не зря за тебя с братвой тер.

– Это только целые, хорошие.

– Зомбачок, чудило, все собирать надо.

– Да мы и собирали, нести не решился – вдруг запаadlo.

– Мля, чтобы вечером все принес, понял? Тут уши без курева пухнут, а он понтовые выбирает. Запаadlo только чинарики, вкурил?

– Понятно, законник Боров. Вечером принесу с журналами. А как у нас с вечера все будет?

– После жратвы загоняют стадо в тот барак – там сейчас последний день дохляки дома-тывают. Там нары, будешь с Полудурком по ночам дрыхнуть. С восьми до восьми сортировка, жрать утром и после работы вечером, обед ты видел. Срать в сортир за ангаром, не вздумай на улице – прибьют. В бараке спи в шмотье, а то попрут сразу, если кто лезет – в рыло. Если что – там в выгородке кореша дежурные кантуются, я скажу, можешь по делу подойти. Сортировка десять дней, мля, хреново будет, если ты не вывезешь и завалишься.

– Во время работы попить, в сортир?

– Что с собой или найдешь – пей. Сортир – только поссать, и то если норму делаешь. Все, харэ базарить, канаем к Черпу, хавчика нагрузит.

– Благодарю, законник.

Поев и подремав, мы сидим у шалаша. Все собранное я спрятал в строительной куче и тщательно замаскировал. Сейчас проверяю нашу готовность. Одежда – норма, длинные рукава, свободные штаны (строительные на Солдате). Перчатки – матерчатые, резиновые, пара резиновых в карман про запас. Крем – три недодавленных тюбика. Шишки Солдата смазаны противовоспалительной мазью (разобрал латынь с английским), мазь в кармане. Ведерки с ложками – вот. Пакет Черпу и пакет Борову. Кажется, все. Даже ногти подстрижены, целый час бился, ножницы подгибать все время приходилось, зато Солдат до сих пор удивляется. Солнце заходит.

– Что, братишка, пойдем?

– Пои, Сеант.

Четыре тусклых лампы, длиннющие, застеленные грязным замасленным картоном двухэтажные нары. Две каменные печки (понятно, по холодам топятся). Пиная попадающих под ноги, Боров сосредоточенно шагает к противоположному закрытому входу. Солдат и я поспеваем следом. У закрытых ворот расположилась группа мужиков, заметно выделяющаяся на общем фоне. Жилистые, можно сказать, крепкие, держащиеся вместе, пригнанная, не самая грязная одежда. Да они еще и подстрижены, несколько человек вообще выбриты, у других – аккуратные шкиперские бородки.

– Кэп, базар есть.

От группы неспешно отделился один, остальные внимательно смотрят. А Боров-то явно их опасается.

– Не кашлять, Боров. Что за дело?

– И тебе не кашлять. Это – Зомбак и Полудурок, два кореша. Не ссутся, не срутся, зомбачок вообще вежливый. Короче, пусть кантуются рядом с твоими.

Кэп помолчал, окинул нас пытливым взглядом.

– Ну, пусть кантуются.

Твердый палец Борова уткнулся мне в грудь.

– Смотри, Зомбак, я за тебя перетер. Будешь должен.

– Я запомнил, законник Боров.

– Ну, не кашляй.

Боров ушел. Взяв Солдата за руку, шагнул к мужикам:

– Доброго вечера вам, уважаемые. Где наше место?

Приглушенно бубнили голоса, кто-то стонал, кто-то обгадился и его с руганью выпинывали с нары, под лампой на листе пластика компания играла в карты. Время от времени в открытые ворота впихивали очередного постояльца – похоже, бандюки качественно прочесывали территорию. Получив на прощание поперек хребта, мужик (большей частью грязный и опустившийся) вставал и флегматично искал себе место. Но рядом с нами как будто пролежала незримая граница – редких желающих встречал жесткий рык одного из двух мрач-

ных парней: «Занято. Вали отсюда». Повторять не приходилось, да и свободных мест хватало – ангар заполнился едва ли на две трети.

Устроившись на нарах, мы перезнакомились, и началась беседа.

У собеседника доброе лицо с пробивающейся светлой щетиной, веснушки, нос бульбочкой и честные, доброжелательные, сочувственно-внимательные глаза – прямо как у подполковника – начальника особого отдела контрразведки флота в моей прошлой жизни. И как минимум двое из якобы дремлющих на самом деле внимательно слушают похожую на допрос беседу.

– И что, кем был, вообще не помнишь?

– Нет. Очнулся здесь, в голове пустота. Говорю, что-то делаю, а откуда – не знаю.

– Ну да, обычная история. А друг твой что-то помнит, имя называет. Интересное: «Сеант». Что за имя?

– Не помню. Если бы братишка (глаза собеседника чуть сощурились) рассказать мог. Я спрашивал – он тоже не помнит, но уверен.

– Да, с железками в голове не поговоришь.

– Какими железками?

– Не знаешь? На затылке, в шишках полоски железные, идут внутрь.

Эта новость выбила из колеи. Контакты в мозг. Бедняга Солдат. Черт, он же добрый, тихий, что такого должен был сделать, чтобы мозги электричеством выжигать? Мрази, крысы лабораторные, добраться бы до вас! Твари, порву, на ломти накромаю!

– Э, парень, парень, ты че?

Конопатый трясет меня за руку, мертво смявшую угол картонного листа.

– Ничего. Так, подумал.

– Да? Что-то я не завидую тому, о ком ты подумал. Из законников кто достал?

– Нет. Это я так, о другом.

– А что за завязки у тебя с Боровом?

– Он нас Шилу не дал просто так у карьера прибить. Мы мертвого туда оттащили, устали сильно. Он хотел и нас в карьер. А Боров сказал, что не по закону. Вот я ему в благодарность журналы носил, сигареты, когда находили.

– Да, справедливо. Боров вообще не злобный, понимает. А Черпа откуда знаешь?

Оп-па! А про Черпа мы не говорили. Откуда информация? Впрочем, мог из очереди особое отношение к нам углядеть.

– Случайно поговорили. Я ему журналы про путешествия, он нам супа чуть побольше наливает.

– Про путешествия? А ты что, по-английски читаешь?

– Не то, чтобы читаю. Понимаю немного, да там и фотографии понятные, не перепутаешь.

– Нормальный ты парень. Смотрю, со всеми язык общий находишь. И на стертого не похож, соображаешь.

– Заканчивай болтовню, парни. Спать всем.

Это Кэп.

– Ага, спокойной ночи.

Удивленная тишина, хмыканье:

– Спокойной ночи, вежливый ты наш.

Пик, пик, пик. Поднятые в серых рассветных сумерках, мы стоим, выстроенные в кривую очередь к кухонному ангару. Шустро двигаясь вдоль колонны, хмырь с надменно-презрительным выражением на крысиной роже приставляет устройство вроде широкого пульта к левой стороне груди очередного работяги и нажимает кнопку. Пик. Подходит. Так, пласти-

ковый корпус, несколько обрезиненных кнопок и тумблеров, небольшой дисплей. Пик. Ж-ж-ж. Вместо пиканья прижатый к моей груди пульт издал жужжание зуммера.

– Не понял, мля.

Проверил Солдата. Пик. Снова меня. Ж-ж-ж.

– Че там, Крыс (о, угадал я с кличкой)?

– Херня какая-то.

От группы позевывающих бандюков отделился один, подошел.

– Смотри, не распознается. То есть распознается, но не учитывается.

– Слышь, ты сам всоси, че там не так, а то ща Кент разберется. Хули дохляков держим?

Еще пару раз безуспешно нажав кнопку (А ведь это сканер, вроде как считыватель штрих-кода. Только что он должен считывать?), Крыс перекинул тумблер, нажал. Пик.

– Ну, и хули тянул? Проканалю?

– Ондохлый.

– Че?

Растерянно глядя на дисплей, Крыс нажал кнопку. Пик. Поднял глаза на меня.

– Этотдохлякдохлый. Жмур он.

– Шизанулся? Гонишь, Крыс, в натуре.

– Я тебе реально говорю, вот, смотри, написано – «Мертв». Дохлый он.

– Крыс, в натуре, чо ты за шнягу мастыришь?

Подошли остальные бандюки. Я лихорадочно прикидываю, что делать и чем мне это может грозить.

– Законник, я не жмур.

– Глохни,дохлятина, хавальник завали.

– Не гони, мля, я въехал: на этогодохляка Боров забивался. Этот, как его... Как тебя?

– Зомбак, законник.

– Точняк, вежливый Зомбак! Жмур, Крыс, гонишь? Точняк, зомбак в натуре!

Бандюки заржали.

– Кому стоим, быки? Чтодохляков держим?

Кент подошел незаметно.

– Вот, сэр Кент, сканер показывает, что этотдохляк – жмур. А он живой.

Если Кент и был удивлен, то никак свои чувства не показал.

– Маркеры проверил?

Крыс смутился, перекинул тумблер, нажал.

– Маркеры есть. Последний – что он стертый. Но так не бывает. Жмур с маркерами?..

– Крыс, он, в натуре, еще и живой, – подал с издевочкой один из бандюков.

Опять дружно заржали. Крыса не любит, это точно. Кент холодно, оценивающе смотрит на меня.

– Крыс, всех проверил?

– Нет, я же...

– Бегом.

Проверяльщика как сдуло.

– Сегодня живой, завтра труп. Тут все трупами станут. Пусть трудится, еду отрабатывает.

Удаляющееся пиканье стихло. Очередь зашевелилась и потянулась на раздачу.

Партии поевших, человек по десять, бандюки забирали на работы. Мы с Солдатом еле успели добить свои «усиленные» порции (спасибо Черпу), как хмурый лоб с дубинкой погнал нашу группу, предварительно разрешив составить ведерки квадратом у стены ангара. Катать вдвоем контейнеры с мусором тяжело, но терпимо. Несмазанные оси скрипят, железный ящик с ржавыми бортами прыгает на кочках, ребра контейнера норовят резануть

руки. Но двое перчаток (матерчатые, а сверху резиновые) помогают отлично. Бандюк на перчатки покосился, но обошелся без комментариев, благо, что работа ему нашлась сразу. Двое явно тупят и сачкуют. Кстати, не очень изможденные на вид, только грязные и сонные какие-то. Мы закатывали контейнеры в сортировочный ангар, клали на бок перед работником, брали пустой и тянули в поле, где другие группы нагребали мусор самодельными лопатами вроде снеговых, а то и просто руками. Пространство, свободное от мусора, медленно расширялось. По пути удалось кое-как набрать пинтовку скиншей газировки на мытье рук – засунул в большой нагрудный карман Солдату. Погода, как всегда, радуется, до обеда поддерживалась нормально. После обеда стало хуже. Сил поубавилось, волнение уже не подбадривало организм адреналином. Да и привычка к отдыху в это время, похоже, сказывалась. Спасало одно – внимание надзирателя отвлекали те, кто работал хуже нас. Матерящийся бандюк регулярно стимулировал нескольких человек дубинкой. Причем все делал с умом – пересортировал пары по работоспособности, не тронув, по счастью, нашу, и сейчас гонял отстающих. Налегая всем телом на контейнер, я старался не думать и не считать – в тупом бездумье работаете легче. Когда солнце скрылось за горизонтом, работу остановили. Наливая порцию, Черп искоса глянул. Я подмигнул, он одобрительно кивнул. Все-таки хорошо в молодом теле – только что было совсем не вмоготу, но полежал – появились силы на туалет и умывание, благо Солдат тоже где-то подхватил пару полных пинтовок. Лежа с закрытыми глазами, вспоминаю сканер в руках уроды и анализирую случившееся. Ощупывание тела в районе сканирования ничего не дало. Что это может быть? Анализ кожи? Ерунда. Невидимый штрих-код? Через одежду? Разве что... Точно. Эрфид. Радиочастотная метка. Маркеры... отметки в перезаписываемой памяти микросхемы. Вот и ответ об уровне местной радиоэлектронной промышленности. Но почему выдан такой сигнал? Что повлияло?

– Не спишь? Да, повезло тебе сегодня.

Вчерашний собеседник («Зови меня Хот») устраивается рядом.

– Думаю. Чувствую, что могло быть плохо, а почему – не знаю.

– Я уж подумал, что тебя дубинками забьют и в карьер. У любого негражданина, а может, и у гражданина, вот здесь вшита какая-то серьезная хреновина. В ней вся твоя жизнь, только прочесть не каждый сможет. Когда человек умирает, там что-то происходит, эта штука стирает все, кроме информации, что ты мертвый, и номера.

– А как же я?

– Не знаю. О таком не слышал. Сам что думаешь?

– А что я могу думать? Первый раз про это слышу. А без... этой штуки люди бывают?

– Только младенцы. На третий месяц операция всем без исключения. Если потом кто-то попадает без нее – суд и наказание. Если кто-то сам извлек – следствие и разборка на органы.

– А как находят?

– В смысле? А, ты же не помнишь. В городах датчики везде, да и в поселках хватает. Плюс проверки. Шерифы, военная полиция.

– И давно так?

– С самого начала. Уже тринадцать лет.

Я молчу и осмысливаю. Полностью тоталитарное государство. Предельное, доходящее до абсурда развитие идей Древнего Рима. Вспомнил строки из Писания: «И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание».

На следующий день нагребали мусор в контейнеры. Теперь и я успел разок получить дубинкой по спине, когда кривая лопата сорвалась с тяжелого мешка, а я плюхнулся в отходы

рядом. Мы грузили, грузили, грузили... Легкие мешки, тяжелые со строек, пакеты с гнильем, проклятый разлетающийся полиэтилен и рыхлая бумага.

– Вылизали начисто, твари, все, до земли! – вопли надсмотрщика звенели в ушах и в обед.

Как выдержал после обеда? Не знаю. С трудом сходил до ветра, заставил себя через силу плеснуть в лицо воды (когда Солдат нашел бутылку?) и рухнул на нары. Последнее перед глазами: Кэп осторожно мажет шишки Солдату. Я, наверное, просил...

На третье утро в очереди на завтрак кто-то из команды Кэпа сжал мое плечо и сказал: – С сегодняшнего дня пойдут покойники.

Нашей десятке повезло – таскали набираемую сортировщиками тару и высыпали однородный мусор в контейнеры. Главное – шевелиться, а быстрый шаг мы с Солдатом освоили. Хмурый бандюк с утра предупредил:

– Завтра сами встанете на их места. Смотрите. Всосали, дохляки?

Нашей паре на обслуживание досталось пять человек. Им подкатывали и роняли на серый грязный бетонный пол контейнеры. Начиналась сортировка – коробка для жесткого (полипропилен, всплыло в сознании) пластика, коробка для мягкого (полиэтилен), коробка для бумаги, для тряпок, ведра для объедков и стекла. Строительные отходы оставались на полу, их собирала в контейнеры отдельная пара. Над каждым висело устройство типа счетов – на двадцать четыре кругляша. Дневная норма. Здорово мешали бродящие туда-сюда, выбирающие журналы, понравившуюся мелочь, одежду, подгоняющие работников бандюки. Нечаянно задевшим тут же прилетало дубинкой и пинки. По паническим взглядам Солдата, бросаемым на очумело крутящихся сортирующих, я понял, что напарнику дается тяжелее всего. Думай голова, думай. У братишки тяжело с памятью. Значит, надо не хвататься за все сразу, а выбирать по очереди одинаковые отходы. Тихо комментирую при переноске соответствующей тары:

– Солдат, смотри, сначала набирай кульки и пакеты, они в руке мягкие. Возьми, пожми в руке. Запомни: мягкое.

– Теперь твердое: бутылки, ведерки, куски, обрезки. Запомни: твердое.

– Газеты, журналы, листы: шуршит, рвется. Запомни: рвется.

– Стекло острое, можно порезаться: ай! Запомни: ай!

– Объедки воняют: фу! Запомни: фу! Ну, про одежду знаешь, одежда есть одежда.

Запомнил немного?

– А, Сеант.

Вот так и ходили, повторяя мантру: «мягкое, твердое, рвется, ай, фу, одежда». Бандюков наше бормотание не интересовало – они гоготали над журналами, пинали работяг, подгоняли отстающих. Заметил – с двенадцатью контейнерами до обеда из пятерки справился один. Ближе к вечеру обстановка ухудшилась. Резкими, злобными голосами, тычками дубинок уроды гнали сортирующих. Вот передовик закончил контейнер, поднял руку. Неспешно подошел надсмотрщик, щелкнул последним колесиком счетов, кивнул. Сгорбившись, парень устало побрел к выходу. Еще один. Еще. Двое не справляются – осталось шесть и восемь контейнеров. Крики, взмахи дубинок. Левый сумел наддать, продвигается, правый заметно тормозит, падает от удара и не пытается подняться. Кент опять подошел незаметно, холодным взглядом оценил обстановку, махнул. Несколько сильных ударов, бьющееся в агонии тело, растекающаяся лужа под ним. Подождав окончание предсмертных судорог, пара бандюков быстро оттаскивает труп на выход.

– Вылизали пол, дохлятина, очистили коробки, подмели!

Орудую почти сточившейся пластмассовой метлой, сгоняя мелкий мусор и грязь на лист пластика Солдату, а перед глазами стоит страшная агония человеческого тела. Бандюки

– не люди, двуногие скоты, твари с людоедским законом. Выходя из ангара, увидел брошенный у стены труп.

Вечером еще потренировал напарника со считалкой. Глядя на сосредоточенное, выражающее мучительные потуги запомнить лицо, чувствовал, как он мне дорог, как сроднился за эти дни. Отчаяние захлестывает душу при мысли, что и его могут вот так же забить насмерть. Твари, не позволю! Выдерну стекло побольше, резать скотов, пусть лучше убьют обоих – встретимся там, в безвременье.

Когда ложились (умыться было нечем, но и воспринималось это без эмоций), Хот спросил:

- Сколько сортировщиков?
- Один.
- На погрузке одного и катающего одного. Сам как?
- Пока держусь.

Не знаю, чем руководствовался наш хмурый надсмотрщик, но Солдата поставил за три человека от меня. Хотел попросить, чтобы рядом – еле перевел дыхание после ловкого тычка в солнечное сплетение. Первый контейнер. Погнали. Навык за несколько дней потрошения мешков, оказывается, выработался неплохой. Мусор разлетался по коробкам, стекло сгреб куском картона. Руку вверх. Щелк, первый кругляш, и я первый. Как братишка? Получается, по крайней мере, не орут и не бьют. До обеда сделал четырнадцать, почти закончил пятнадцатый. А Солдат? Терпимо – одиннадцать есть. После обеда скорость упала, руки устали, болит спина. Но я гнал и гнал.

- Отваливай, дохлятина. Норму прожевал, свободен.
- Медленно вникаю, оглядываюсь. Точно, все. Опять поднимаю руку:
- Законник, я могу помочь своему корешу?
- Че? Ты че вякнул?
- Законник, я хочу помочь своему корешу. Это разрешено законом?
- Занесенная дубинка остановилась. Покачав ее в руке, хмурый бросил:
- Стой тут, дохлятина.

Подошедший бандюк выглядел веселее. Что-то роднило его с Боровом – наверное, выражение уверенности на круглом лице.

- Вякни, че хошь, дохлятина.
- Законник, я хочу помочь своему корешу. Это разрешено законом?
- Это не запрещено. Обзовись.
- Зомбак, законник.
- Слыхал. Ну, канай, помогай.
- Благодарю, законник.
- Ха, вежливый зомбак.

Вдвоем мы быстро распотрошили восемь (многовато оставалось братишке) контейнеров и вместе подняли руки. Подошедший бандюк задумался:

- Двое. Значит, еще два. Всосал?
- Да, законник.

Добавлять сверх двух не стали, да и внимание после кивка хмурого на нас никто не обращал. Сразу в нескольких местах разгоралось подобное вчерашнему действие. По пути к выходу меня заметно пошатывало. На улице Солдат, воровато оглянувшись, привычно поднырнул под руку и, обняв за талию, буквально уволок в ангар. На ужин еле встал. С одной стороны поддерживал Солдат, с другой – Хот. Полегчало только после еды на нарах.

- Рисковал ты, братишка. Могли и забить.
- Но я же норму сделал.

– А без разницы. Рот открыл – получи. Тебе повезло, что им интересно стало. Ну, добро, завтра наверняка пойдете дорогу делать. Там полегче.

Засыпая, подумал: «В нашей бригаде никого из команды Кэпа нет. О событиях знают. Точно, разведка поставлена».

Отсыпка дороги шла как отдых. Пара надзирающих уродов с комфортом расположилась на пластиковых стульях со стаканчиком и парой кубиков (игра в кости тут есть), контейнеры со строительными отходами подкатывали не часто. Длинная пластиковая рейка служит шаблоном ширины, я обломками кирпича выкладываю правый бордюр, еще один мужичок – левый, остальные засыпают получающийся путь ровным слоем мусора. Главная забота – чтобы ветерок не сдувал пыль на бандюков да вовремя переносить их стулья. После обеда занимались практически тем же – ровняли колеи от мощных колес на уже отсыпанной до нас дороге.

Вечером приятно удивил Хот – протянул двухпинтовку мутной жидкости:

– Иди с братишкой умойся.

– Благодарю, Хот. Очень признателен.

– Добро. Все, первый круг пройден, завтра – по новой.

Вечером потянуло поговорить. Присматривая за сохнувшими носками и проветриваемыми кроссовками (на ночь все опять одевать, береженого бог бережет), общаюсь с Хотом.

– А почему Борова не видно?

– Он в другой смене, дружище. Половина гоняет нас, другая – следующих. Да, с Боровом тебе с братишкой было бы полегче.

– Он что, такой хороший?

– Трудно так сразу ответить. Скажет Кент – убьет любого и не поморщится. Но сам по себе в мучительстве удовольствия не видит. Пока ты за слова отвечаешь... нет, не уважает, а... за человека считает. Правила у него есть свои, вот. И по этим правилам он живет. Да, и спокойный. В хорошем настроении может добро сделать, просто так, как человек. На пари любит забиваться, ну, это все они любят. Выигрывает часто – у него и курева, и журналов, всякого хватает.

– А я слышал, как Боров про себя сказал: «При пере». Что это значит?

– При пере? Да, поднялся Боров. При пере – это значит, что он в старшинах стал ходить. К Кенту может по делу сразу подойти, над другими власть имеет. Интересно, кого он подсел? Ты уверен, дружище?

– Да. И в руке у него нож видел.

– А когда дело было?

– Дней десять назад. Когда Шило хотел нас в карьер отправить.

– Ага, понятно. Добро, обуваемся и спать, вон братишка твой уже второй сон видит.

Укомплектованы бригады, нас стало меньше. Не знаю, сколько человек уже забили бандюки, но догадываюсь, кто может стать следующим. Вон мужик с язвами на ногах, еле ходит, вот с опухшей после глубокого пореза правой рукой, эти двое, выискивающие любую возможность, чтобы лишний раз передохнуть. Как мы с Солдатом? Не все в порядке. На последнем издыхании носки (а что стоило взять запасные?), порвались в клочья правые резиновые перчатки (поделил запасную пару, вывернув левую), протираются матерчатые. Рукав рубашки напарника держится на честном слове, мой синий халат лишился последней пуговицы и одной полы. Но мы работаем, обходимся без порезов, травм и опасного внимания надсмотрщиков. Похоже, я втянулся. Ноют мышцы, хочется есть и отдохнуть, но нет надломленности и слабости. В этот раз хмурый надсмотрщик указал места по сортировке мусора нам рядом, что-то буркнув под нос. На всякий случай отвечаю:

– Благодарю, законник.

Так, прошло нормально. Работаем. Сделав тринадцать контейнеров, рискнул помочь другу – у него было десять. На обед шли, почти разобрав по четырнадцать.

– Ну, и как тут наш вежливый зомбачок? Кисляй не обижают?

Доходит до сознания с трудом: напротив стоит ухмыляющийся Боров. Взгляд назад – у меня последний, Солдату еще два. Кисляй? А, кличка хмурого.

– Здоровья, законник Боров. Все нормально, благодарю. Позвольте, я закончу свою норму и помогу корешу.

– Давай, давай. Слыхал, как ты за кореша подписывался, путем. Мне ничего не нашел?

Лезу в карман, достаю мятую пачку.

– Сигареты не очень хорошие, законник Боров, сыроваты, поломаны.

– Мля, зомбачок, не гони. Все путем. Давай, ныряй, доделывай, а я постою, чтобы тебя не обижали.

Странно, но сил вроде как чуток прибавилось. Когда добивали последний контейнер Солдата (хорошо – никто не спешит еще пару добавлять), скучающий Боров оживился.

– Срисуй, Зомбак, что бывает с борзыми, которые за базар не отвечают и без мозгов на пари подписываются.

Оп-па. А в ангар, подпихивая дубинками, вводят нашего знакомого. И место ему уже подготовлено – контейнер на боку, пустые коробки ждут. С явным удовольствием, с презрительной и довольной ухмылкой на лице ждет и Боров. Шило затравленно озирается, пытается упираться, что-то говорит. Не помогает.

– Канай, дохлятина, сортировка ждет.

Вот процессия уже рядом.

– Кент! Ставлю жизнь!

– А поможет?

Кент, оказывается, уже стоит рядом с Боровом.

– Чем долг отдашь, Шило? Ты же пустой, – это Боров.

– Крутнись, найду!

– Ну, и на кого ты ставишь?

– На него!

Черт. Палец ублюдка показывает на Солдата. Тварь уродская! Заслоняю друга спиной. Кент бесстрастно наблюдает.

– Обзовись, дохлятина, – это один из приведших Шило бандюков.

– Зомбак! Я Зомбак, законник.

Шило кривится, хочет что-то сказать.

– Что, Шило, очкуешь?

– Нет, похер, любого урою!

Кент снисходительно кивает, смотрит на меня.

– Кто ставит на Зомбака?

Секунды тишины.

– Я ставлю. И подписываюсь.

Боров.

– Мля, риск – благородное дело. И я ставлю.

Это хмурый Кисляй.

– Принято. Боров, ты подписался, дохляк за тобой. Завтра в это же время.

Боров тянет за рукав. Уходя, оглядываюсь, вижу, как Кисляй перешелкивает последний кругляш растерянному Солдату и выталкивает его в проход. Все, этот день братишка пережил.

Отгороженный угол ангара. Метра три на пять. Толстая стопа картонных листов и рваные тряпки для меня, топчан с подушкой и одеялом, удобный пластиковый стул для надсмотрщика. Они менялись: Боров, Кисляй, двое неизвестных, тоже поддержавших Борова. Вчера я сразу упал на картон – надо спать, набираться сил. Разбудил Ложка. Ужин. Вот это здорово! Он же поднял и утром, с завтраком. Подремав еще, перед обедом начал разминаться, растирать мышцы. Хмуро наблюдавший Кисляй одобрительно хмыкнул, протянул дубинку.

– Мне можно драться дубинкой, законник Кисляй?

– А хули я ее даю? Не тупи, Зомбак.

– Последний вопрос, законник. С чем будет Шило?

– Так же. Боров перетер.

– Благодарю, законник.

Вспоминаю шаги, удары, тычки. М-да, кисти слабоваты. Но зато гибкость хорошая.

Подошли Боров с Ложкой. Обед.

– Здоровья, законник Боров. Здоровья, Ложка. Благодарю за еду, выживу – буду должен.

– Во, мля, Ложка, вежливый зомбачок. Просто жаль, что его Шило уроет. Садись уж, жри, дохлятина.

Да, порция изрядная. И плавает что-то. Мясо?!

– Да, мля, решил тебя перед смертью порадовать, зажмуришься и не попробуешь. Крысятинка, чистая, молоденькая. Сам не каждый день такое хаваю.

Вот так. И никакого отвращения в организме. Нормальное мясо, типа жестковатой курицы, только дичиной отдает немного.

– Благодарю, законник. Только не очень понимаю: если ты, Боров, знаешь, что меня Шило уроет, зачем на меня ставил?

– Зачем? А хер его знает. Забодал Шило, отморозок дешевый. А ты дохлятина, но держишься человеком. Из стертых поднялся. За кореша встал. Думаешь, я не заметил?

– Я понял. Как там мой друг, не видел, законник?

– Не ссы, путем твой кореш. Кэп за базар отвечает, в его команде кантуется. Дожирай, передохни, да пару ударов покажу, мля, может, Шило порадует.

Удивительно, но опять вздремнулось. Все-таки молодость – великое дело. Так, что покажет Боров?

М-да, не богато. Подводим итог: у бандюков поставлены колющие удары. Особенно опасны в лицо и солнечное сплетение. Амплитудные боковые сильны, но такой широкий замах для драки не годится. А теперь вспоминаем, чему научился на боевых единоборствах у незабвенного спецназера Сереги. Стойка, шаги, удары, блоки, двойные удары. Черт, дыхания не хватает. «Восьмерка». Стоп. Изумленное лицо Борова:

– Мля, а может, и не уроет. Зомбак, сделаешь Шило – сниму твой долг и за тебя подпишусь у Кента.

– А за кореша моего?

– За него с братвой перетру. Просто так никто не обидит, мое слово в законе.

– Договорились. А если урою Шило, меня за это не убьют?

– Как карта ляжет. Не должны, но решает Кент. Такое, чтобы дохляк побеждал, давно было. Тот ушел путем.

Последний час собирался и медитировал, настраиваясь на бой. Заглянул Кисляй. Зовет. Пора.

Хорошо живут бандюки: застекленные окна в крыше ангара, частые лампы на длинных шнурах, разделенные переборками отсеки, топчаны, отремонтированная мебель, пластиковые столы и стулья. Повеселевший Боров слегка подтолкнул в плечо, кивнул вправо. Наверняка его берлога. Живет один и богато: шкаф, аккуратный, закрытый на замок ящик вроде сундука, на топчане пусть грязноватое, но постельное белье, стол, стул, табурет и ков-

рик на полу. Изображаю на лице восхищение. Боров покровительственно усмехается. Идем дальше.

Впереди свободное пространство. Похоже, здесь, в центре ангара проходят бандитские толковища. У стен плотный ряд уродов, с другой стороны площадки злобно скалится Шило. Боров ведет меня к центру, Шило подходит сам. Кент поднимает руку:

– Шило поставил на дохляка жизнь. Кто еще хочет забить пари?

Тишина.

– Бей!

Бросающийся с замахом бандюк будто спотыкается и резко отступает назад. Еще бы – перед ним гудит рассекаемый «восьмеркой» воздух. Не ждал, мразь? Адреналин прет в кровь, добавляя сил, уверенности и ненависти.

Щелк! Отбит тычковый, перехватываю дубинку: правая сверху, левая снизу, оружие вертикально за правым плечом. Лучшая стойка для неожиданных ударов. Левая нога назад, разворот на правой, ухожу от второго тычка. Одновременно косым сверху с правой: есть! Шустрый гад, почти убрал башку. Но «почти» не считается: разбил ему бровь, кровь заливает левый глаз. Дубинку назад, перехват, шаг левой, быстрее правую, с левой снизу: есть! Это тебе по локтю, чтобы с правой не очень махал.левой ногой назад, еще шаг назад, делаем дистанцию. Как тебе «восьмерка», урод? Давай бросайся, пора! Словно услышав мысль, рычащий Шило кинулся, замахиваясь, прямо на гудящий круг. Полшага назад, стоп вращение, перехват, классическое с шагом правой: «Прикладом бей!» Левая рука у груди, правая выпрямлена. Попал. Жесткий встречный под горло остановил урода, он «поплыл», пошатнулся. Полушаг левой, дубинка назад над левым плечом, резкий боковой слева направо правой. Бах! Черт, руку отсушил. Но врезал точно в висок. Шило валится на пол. Какой живучий гад – шевелится, пытается подняться на карачки. Нет уж, мразь, добро пожаловать в ад! Шаг правой, приседаю, мелькнувшая в левой дубинка заканчивает короткий путь. Сверху вниз, с выдохом, в основание ненавистного черепа. Бах! Хруст, отсушенная левая, прожигающая все тело волна. Какая-то сила вырвалась из бандюка, прошла сквозь меня и растаяла. Готов. Агония. Выпрямляюсь, непослушными пальцами сжимаю оружие, оглядываюсь. В ушах гремят азартные вопли. Уроды бурно выражают свои чувства, хлопают сияющего довольной улыбкой Борова по плечу. Выигравшая четверка подошла ко мне, от дружеского толчка Борова чуть не падаю сам. Кисляй забирает дубинку из онемевшей руки.

– Ша, быки!

Кент обводит леденящим взглядом смолкающую толпу, поворачивается ко мне.

– Кто учил драться, Зомбак?

– Сэр! – тихо подсказывает Боров.

– Законник Боров, сэр Кент.

– Что-то быстро ты научился.

– Так ведь, сэр Кент, жить захочешь – и быстрее научишься.

Переждав дружное ржание быков, Кент подымает руку:

– Шило жизнь проиграл. Зомбак выиграл по закону. Боров, дохлятину убрать, порядок навести.

– Да, сэр Кент. Рыба, Жирдяй, жмура в карьер, Кисляй, дерни шнырей да прикинь, кто нам должен. И не забудь – ты на моем дохляке поднялся.

– С тобой забудешь.

Адреналин ушел, навалились слабость и опустошение. Тяжело шагаю за гордым Боровом, вот и выход.

– Путевые у тебя кореша, зомбачок. Мля, не зря за тебя подписался. И не ссы: Боров в законе, слово держит. Канай, вон стоят, ждут.

Навстречу мне сначала нерешительно, потом быстрее идет, уже бежит Солдат. За ним двое: Кэп и Хот.

– Сеант, Сеант!

– Тише, братишка, уронишь. Отставить, Солдат, я живой.

– Как ты? Что отбито?

– Все нормально, Кэп. Чистая победа. Устал только.

Оказывается, в дальнем ангаре общая ночлежка. Там и живут те, кто не занят на сортировке. Команде Кэпа принадлежит опять отдельный, огороженный листами картона и пластика угол. Поев, умывшись, вымыв ноги, я лежу на нарах и тихо пересказываю последние события.

– Везучий ты, братишка. До тебя оттуда только один живым ушел, да и то отбитый качественно.

– Кэп?

– Как догадался?

– Боров намекнул (вообще-то сам проанализировал, но об этом лучше не говорить). А повезло еще и потому, что Кенту, Борову такие, как Шило, не нужны. Борзые, наглые, неуправляемые. Могут ведь и на старшего замахнуться, под себя все подгрести.

– Это да. Слушай, ты точно стертый? Хорошо у тебя голова варит.

– Хот, возьми у Крыса сканер и проверь сам.

– Ага, а еще он покажет, что ты мертвый.

– Во! А ты совсем с ума сошел – с покойником разговариваешь.

От дружного смеха вздрогнули картонные стены.

– Молодец, братишка, уел. Веселый, за друга стоишь, голова варит...

– Еще бы не жрал и не срал, как настоящий зомби – цены бы не было.

Кэп вытирает выступившие от смеха слезы, Солдат по-детски заливается, лежа на боку, с трудом останавливаются другие парни.

– Нет, все, завязывай, братишка. Фу-ух, ну, насмешил... Так, давай по делу. Мы тут присмотрелись – ты нормальный парень. Ко мне в команду пойдешь?

– А мой друг?

– Не вопрос, вместе.

– Обязанности какие будут, Кэп?

– Толково. Давай-ка расскажу сначала, что выиграешь. Мы – вторая сила здесь. С нами считаются, потому что у нас каждый – за всех. Ты никогда не останешься без еды и помощи. На сортировке норму мы делаем, но нас не подгоняют и не трогают. И учти – скоро осень, потом зима. Поверь – лучше с нами. Обязанности... У нас общий котел. Все ценное собираем, прячем, выносим решение, как распределять. И каждый у нас хорошо делает что-то свое, как бы тебе сказать...

– Имеет свою специализацию?

– Ого, ты словечки знаешь. Да, ты правильно понял.

– Кэп, выскажу догадку – меня планируешь в подчинение к Хоту?

Тишина. Физически ощущаю, как шевелят мозгами Хот и Кэп.

– Как узнал?

Так, а интонации в голосе изменились. Появилось что? Уверен – нотка подозрительности и недоверия.

– Просчитал. Есть вопрос, Кэп – мы можем с братишкой подумать? Походить пока кандидатами до следующей сортировки?

– Интересный ты парень, Сержант (оп-па! Разговорили Солдата? Вычислили по его обращению? Знают что-то из жизни моего предшественника?). Ответ – почему?

– Причин несколько, командир (а это вам, друзья, к дополнительным размышлениям). Главная – я чувствую, что буду удивлять и дальше. А мне не хочется, чтобы удивление перешло в недоверие.

– Знаешь, я вот лежу и ни хера не верю, что разговариваю со стертым.

– Идем на второй круг, Кэп. Как насчет подумать? Например, до следующей сортировки?

– Согласен. Но если тебя или твоего друга прижмет – бегом к нам. Здесь наш угол, кто-то будет всегда.

– Благодарю, Кэп. Поверь – я это ценю.

– Да уж, вежливый зомби. Добро. Все, спать, парни, завтра много дел.

Да, дел действительно много. Закончена моя первая сортировка, надо отъедаться и готовиться к следующей, постирать, помыться, порыться в кучах. Главное – мы с Солдатом живы, и у нас впереди десять свободных дней.

Почему не согласился сразу на предложение Кэпа? Потому что прошлая жизнь из другого мира, опыт сорокапятилетнего мужика, да еще и кадрового офицера и инженера, будут неизбежно лезть из всех щелей и вызывать массу вопросов. Теплые отношения с Боровом, шнырями типа Черпа и Ложки тоже войдут в тему о доверии. Хотя уверен, что именно это направление очень интересует Хота. Пусть парни думают. Если «за» – многое можно будет решить простым вопросом: «Ты мне доверяешь?»

Дом, милый дом. В шалаше кто-то порылся, но ничего не сломал, а мастерские заходки найти вообще проблема. Перво-наперво меняем одежду и носки. Бреюсь, умываемся водой из заначки. Старые, в дырах носки подальше – крыс ароматом травить. Нормальную рвань в тюфяки, одеваемся, подпоясываемся гражданскими ремнями. Нет, Солдат, рубашку поверх, светиться не будем. Часы... Хм-м, идут «9:15 AM», самое время за витаминчиками податься. Часы на солнышко в щель, заряжаться.

– Братишка, перчатки взял?

– А, Сеант.

– Вперед, за завтраком.

Август – благодатный месяц. Два пакета подпорченных фруктов, вырезанные шпателем пристойные ломти вкуснейших арбуза и дыни – завтрак удался, осталось на десерт к обеду. А до обеда занялся починкой мелочовки. Слова Борова – хорошо, но подкрепить отношение материальным стимулом – еще лучше. Удалось собрать целые солнцезащитные очки. Дужки немного разные, но после тщательной протирки выглядят как из магазина. Зажигалка с кабаньей мордой и надписью: «Сумасшедшие кабаны». Спортивная команда? Если так, то надо будет порыться насчет футболки или бейсболки там, где нашли спортивный мешок. Газа треть, переставляем кремь, колесико на место, пробуем... Вот и подарочек. Сигареты? Нет, рановато, как и журналы. Папка из кожзаменителя. А молнию можно сделать. Провозился, вправляя замочек, но получилось. Смазываем застежку каплей жидкого мыла.

– Солдат, вот немного крема на бока, тряпка, отполируй, чтобы блестело, как у кота... гм, я тебе потом расскажу. Короче, натирай тщательно. Правильно, молодец.

Еще бы авторучек пару, но со стержнями засада – либо пустые, либо засохли. А подогреть зажигалкой? Заработало. Представляю себе: Боров с папкой, пишет ручкой. Сюрреализм. Что Черпу? Отблагодарить за еду надо, хочу еще насчет воды договориться. Все журналы «Колонианс Географик», пяток сигарет в пачке. Сидр отдам ночью, если с водой получится. Норма. Время? Где-то через полчаса обед. Можно идти.

Боров млеет:

– Мля, зомбачок, ты путевый, в натуре. Потрафил, конкретно. Очки – класс, а свиняра на зажигалке, слышь, чисто я, гы-гы. Сегодня нарыл?

– Нет, это кореш мой раньше нашел. Сегодня я отремонтировал.

– Че?

– Ну, на очках дужка была сломана, с других битых поставил, на папке молния...

– Стой. Еще раз: ты это сам чинил?

– Да, законник Боров.

– Зомбак, не гони. Отвечай честно, Борова еще никто не наколол: ты это сам чинил?

– Да.

Резко ставший серьезным Боров пристально заглянул в глаза:

– Ты что, тех?

– Не понял, законник.

– Ты умеешь это чинить?

– Да, законник Боров.

Однако задумался наш благодетель. Тяжелая рука ложится на плечо:

– Никому не базарь, не светись. Буду перетирать за тебя. Если получится, пойдешь в шныри.

– А кореш мой?

– При шныре ни один кореш не загибался.

– А...

– Ша. Хавальник завали. Я сказал: не базарь, не светись. Жрачку брал?

– Нет, законник Боров. Еще рано, звона не было.

– Чапай за мной, зомбачок. После жратвы куда?

– Порыться, может, что-нибудь еще путное найдем.

– Толково. Старайся.

Черп с орудием труда в руках стоит перед исходящим паром и ароматом баком. Гудит пламя в плите. А что горит? Понятно: бумага, одноразовые тарелки, стаканчики, вилки, ложки в привычном контейнере. Наверное, не коптят и горят хорошо.

Солдат за плечом громко сглотнул и умильно улыбнулся.

– Как там, Черп?

– Не кашлять, старшина Боров. Совсем скоро, уже подходит.

– Нальешь этим без очереди.

– А...

– А если кто пасть откроет, скажешь, что я решил.

– Понятно, старшина Боров.

– Зомбак, ты вкурил?

– Да, законник Боров. Благодарю.

Кивнув, благодетель удалился.

– Доставай, братишка.

Напарник потащил из-под футболки пакет.

– Благодарю за еду, уважаемый Черп. Очень помогла на сортировке. Тут мы собрали, что нашли: журналы, сигарет чуть-чуть.

– О, молодцы. Слышал, слышал о тебе, Зомбак, законники долго обсуждали. Боров сильно поднялся, пари выиграл десять к одному. А еще что хорошее находили?

– Так когда, Черп? Правда, после обеда хотим сходить в одно место, есть куча неразобранная. Поищем. Вот нам бы опять ночью воды набрать, заодно, что найдем – поднесем.

– Подходите. Время и место помнишь?

– Конечно.

– Да, редкий ты стертый. Давай, подставляй посуду.

– Благодарю.

С навыками сортировки куча бомбилась влет. Большая часть мусорных мешков шла, конечно, вхолостую, но добыча была. Поступили мы по-умному: нашли террикон, засыпанный разобранном мусором, но целый внутри, и сейчас пожинаем плоды правильной организации труда. Солнышко балует, внутри побулькивают десертные легкоусвояемые витаминчики. Солдат цапалкой разбирает верхушку кучи, подбрасывает мешки, а я их потрошу. Одежды набралось на пятерых, попались целые кроссовки на напарника, на меня забавные домашние тапочки-тигрята. Из действительно хорошего – еще одно зеркальце, побольше нашего, пара целых расчесок (обрастаю потихоньку, а Солдат уже зарастает), пилочка для ногтей без ручки и ножницы, тоже с одной обломанной ручкой. Пакет тубиков, разной хозяйственной мелочи, полная канистра моющего, кулек засохшей выпечки, несколько пинт жидкости, даже полпинты подбродившего сидра, дюжина чистых журналов. И как это все нести?

– Эй, вы, шмотки оставили и валите отсюда. Это наша делянка, всосал?

Шагах в пяти стоят три конкурента. Грязные, заросшие, без оружия. И где вы прятались, такие красивые? Не иначе, как вон за той кучей. Смотрели, как мы пашем, а теперь вышли забрать собранное.

– Солдат!

Напарник понял правильно: палка-цапалка прилетела точно в руки.

– А рожка не треснет, опущенный?

Угадал – точно из пролетевших бандюков. Ну и куда же ты, мразина? Ой, как неосторожно.

Два раза прогудела в воздухе цапалка, распоров гаденышу щеку и качественно разорвав левую руку. А крови-то, крови. Завыв и свалившись, предводитель ушлепков выбыл из игры. Двое испуганно попятились: конечно, если уж покойник Шило от «восьмерки» шарaxался, куда вам, малахольным. Остановка вращения, перехват.

– Я Шило по закону урыл, дохлятина, а вы для меня грязь. Не хочу в карьер тащить, париться. А ну, за наезд кульки мне под ноги, быстро! Ты! Сумку снимай! Бросай ко мне! Схватили своего урода и свалили. Бегом!

Конечно, не совсем бегом, но троица испарилась качественно, оставив размазанные пятна крови на мусоре и неожиданное пополнение добычи. Да, командный голос для таких самое то, это я еще по армии понял. Так, а где напарник?

С гордостью и обожанием Солдат преданно смотрит на меня.

– Сеант, оово.

Здорово. Черт, даже как-то неудобно. Выпрямляюсь, козыряю.

– Вольно, Солдат.

Серьезное лицо и ответное приветствие.

– Давай, братишка, поглядим, что враги оставили.

Несколько яблок и груш, газировка сомнительной годности, неработающие наручные пластмассовые часы (ого!), сигареты, три пинты мутноватого сидра, грязнущая, замасленная, но целая брезентовая сумка с ремнем через плечо. Это они удачно зашли. Откинув кульки с непотребными объедками и окурками (западло), сложил добро в расчете на четыре руки и в сумку пакет.

– Ну что, вперед и с песней?

– А, Сеант, омой.

Поглядывая по сторонам, привычно размышляю. Первое: братишка явно добавил в сообразительности. И пусть говорит плоховато, но понимает хорошо. Сказывается наше общение? Восстанавливается память? В любом случае – это радует. Второе: почему так удивился Боров? Ну, починил мелочовку, обычное дело. Стоп. Обычное для моего мира, полного соображающих мужиков с руками, растущими не из жо..., и технически подкованных.

Технически. Тех. Черт, мало информации. Пока отложим. Третье: шныри. Прислуга у бандюков. М-да, опускаемся, товарищ майор. Хотя, Хот за своего человека на таком месте... расцелует как минимум. И даже в губы. Опять же, сортировки кончатся, Солдата просто так никто не обидит. Да что там обидит – Кэп сразу возьмет его в команду. И через Борова прикрою. Обслужу потом с братишкой.

Рассортировав и припрятав добро, плотно перекусили, и я занялся инструментом. Пилочку для ногтей наладил легко: разогрел хвостик зажигалкой и вплавил в обрезок ручки зубной щетки. Для ножниц сначала подобрал кусочек пластика, вырезал незаменимым шпателем треугольник, им же проковырял отверстие для пальца и, наконец, вплавил лезвие в полученную ручку. Пощелкал. Подшлифовал отверстие. Нормально.

– Солдат, а давай тебя подстрижем?

В той жизни я освоил это несложное искусство, по крайней мере, в области военных причесок. Аккуратно обходя шишки (заметно опали, цвет почти нормальный), работаю ножницами и расческой. Челочку набок, пробор. Красота!

– А что ты хочешь, братишка?

– Сеало.

– Зеркало?

– А, Сеант.

Так, в прошлый раз это кончилось плохо. Надо контролировать.

Непривычно серьезный Солдат посмотрел в зеркало, повернул голову влево, вправо... улыбнулся. Отлегло. Убираю зеркало.

– Хоо, Сеант, оень хоо.

– Согласен, хорошо получилось.

Остаток вечера вникал в печатное слово, благо валяется оно кругом в любых количествах. И чем больше перелопачивал газет и журналов, тем меньше понимал устройство этого мира.

Нет, общие черты понятны: власть принадлежит Британской Колониальной Империи, нашей зоной управляет начальник департамента ресурсного управления. Поджарый такой дядька с волевым лицом, офицерской осанкой, лет за пятьдесят. Приемы, парады, посещения. В каждом городе мэрия. Отчеты о работе, радостные дети, благодарные люди в возрасте, полные полки магазинов, новые красивые дома. Многоэтажек что-то мало. Львиная доля остального текста – объявления, реклама, хобби, клубы, рассказы читателей о счастливой жизни, просто рассказы, юмор, комиксы, путешествия по Империи. Странно, что-то не встречал фотографий собственно Англии и вообще серьезной информации о метрополии. Текст, кстати, на двух вариантах английского языка – классическом и урезанном (кажется, пиджин-инглиш называется). А где криминальная хроника? Где акты Реджистанса? Нет ни в одной газете. И про полицию и шерифов (это еще что за чин?) только в контексте «новые машины, новое здание». Парады. В строю сплошные негры, латиносы и прочие индусы. А, это не наша колония – Юго-Западная. Европейцы у них только офицеры. Вообще нет медицинских, технических, компьютерных и других подобных тематических изданий. В женских журналах мод нет выкроек и кулинарных рецептов серьезнее приготовления полуфабрикатов и «добавить восточных специй». Нет ничего про то, что находится у машины под капотом! А в списках предложений о выполняемых работах технических хватает, но написано, как для умственно отсталых (я все понял), предельно «разжевано» – какие устройства ремонтирует данный мастер. Да, а где объявления о наборе инженерно-технического персонала?

Итог: развитое общество потребления, но кто все выпускает и ремонтирует – загадка. Все, устал думать, надо поработать.

Рук всего по две. Братишка ночью не видит. А воды хочется побольше, чем четыре десятипинтовки. В сумку? Неудобно. Хотя сама мысль повесить на плечо заслуживает вни-

мания. Взяв еще две бутылки и выдрал полосу ткани попрочнее из скончавшихся штанов, начал мудрить с упряжью. Солдат привычно с интересом наблюдает.

– Где-то так, братишка.

Перевязь крепко привязана шпагатом к ручкам, в середине закреплена скотчем толстая картонная вставка под плечо (чтобы не так давило). Бутылки получаются на уровне пояса. До куч от ангара донести должен, потом, если что, по одной перенесу.

Выставляем будильник, цапалку поближе, спать.

Увидев четыре пинтовки сидра, Черп ошутимо взбодрился.

– Ну, молодцы, парни! И про журналы не забыли!

– С сигаретами только плохо, одни окурки в этот раз.

– Да, окурки не надо. Мы хоть и не законники, но стараемся по закону жить. Слушай, зомбачок, если книги или журналы по науке попадутся, принесешь?

– Я бы принес, но не видел. Романы любовные пару раз попадались.

– Романы ерунда, только в печь. Надо посмотреть, где из контор выбрасывают, из фирм.

– Из офисов?

– Точно. Эх, у меня со временем плохо, я бы с вами сходил, поговорили бы. Интересно с тобой говорить.

– Я понял, поищем. Отоспимся завтра и пойдем.

– Постарайся. Ну, пошли за водой. Ух ты, а это что?

– Да так, в голову пришло, чтобы воды побольше утянуть. Выдержать бы.

– Ничего, вы парни жилистые, не доходяги.

Прямо скажем, было тяжело, но терпимо. Солдат ждал за кучами, я таскал бутылки. Перевязь себя оправдала, надо было две таких делать. По-быстрому припрятали воду и завалялись спать.

Сортировка и замачивание белья, маскировка картоном ведер. Нанес пометки о содержимом исследованных участков на самодельную карту и задумался. Что лучше: сходить на пищевую помойку или порыться в одном из «белых пятен»? До обеда два часа. С голоду не умрем, поэтому пойдем покопаться.

Место сначала вызвало разочарование – низкие кучи покрывал толстый слой мусора из выпотрошенных мешков. Но погреб вглубь – и сразу награда. Опять мешок спортивного центра, еще один. Бельем мы уже точно обеспечены. О, а вот это Борову, как на заказ – с грязноватой черной футболки скалится знакомая кабанья эмблема. Похоже, и размер подойдет. Роемся дальше. Спортивная питьевая водичка, большое полотенце с надорванным краем. Лосьон после бритья, аж треть флакона. Ага, сломан пульверизатор. И все залеплено отработанной туалетной бумагой. Сильны на это дело спортсмены. Вторая куча, третья. Добавилось одноразовых бритвенных станков, тюбиков, носков. Пластиковые плечики для одежды. Тоже возьмем. Все, заканчиваем, надо к обеду готовиться. Уже совсем уходили, когда Солдат углядел хвост широкого поясного ремня.

– Ну, братишка, просто Соколиный Глаз! Еще бы починить, и благодетель наш в кармане!

Качественный кожзаменитель, большая пряжка из толстого желтого пластика с «веселым Роджером», хитрая застежка-трещотка. Нерабочая. Надо будет напрячься, отремонтировать обязательно. По дороге разглядываю, прикидываю устройство. Ремень свободно ходит, не фиксируется на зубцах. А это что? Похоже на кнопку. Значит, когда ее нажимают, блокирующий выступ уходит с зубцов. Правильно. Вот и царапины – ковыряли, хотели вытянуть, но не получилось. Надо опустить пряжку в ведро с замоченным бельем.

В этот раз Боров сидел за столиком. Увидев меня, властно махнул рукой.

– Как дела, зомбачок?

– Вот, законник Боров, только два журнала и пяток сигарет. Неудачное утро, мало нарыли.

– Не ссы, фарт любит упорных, приканает еще. А я за тебя перетер. Кент думает. Когда он сразу не отшивает, значит, все путем.

– Благодарю, законник. Буду должен.

– Толково с тобой базарить, зомбачок, сразу тему сечешь. Короче, ты извернись, как хочешь, но надо Кента реально заинтересовать: нарой что-нибудь конкретное. Учти: папку для бумаг я ему отдал, путем легло. Вкурил?

– Я понял, законник. Буду стараться.

– Во! Ну, канай, кореш твой уже к жрачке подходит.

Отходя к Солдату, уловил злобный взгляд бандюка за соседним столиком. Этому чем не угодил? Из проигравших, что ли?

Пообедав, занялись стиркой. Трусы, носки, футболки, два полотенца, бейсболки, две рубашки, брезентовая сумка – богатеем, добра набралось. Одну бутылку отложил на солнышко: прогреться к вечерней помывке. Кстати, а что мы все на картоне сушим? Упаковочного шпагата целый моток, две кучи подходящие, плечики есть – не натянуть ли веревку? Сказано – сделано. Пока Солдат старательно простирывал белье, я привязал один конец шпагата к раме, и, забравшись на вторую кучу, стал выискивать, чем закрепить другой. Кстати, вот мешок с длинными пластиковыми коробами вроде бруса. А мешок хорош – большой, полиэтилен толстый. Пару коробов в кучу вгону как опору, остальные в хозяйство. Когда вытряхивал, в одном коробе металлически перекатилось. Ну-ка... Сварочный электрод. Целый, сантиметров двадцать пять длины. Приберем, нужная вещь.

Сохнущие футболки и рубашки покачивались на плечиках, разноцветные носки и трусы приятно оживляли пейзаж. Сумку надел донышком кверху на пластиковую ручку метлы.

– А хорошо мы отстирали, Солдат. Особенно ты постарался. За это вон та красная футболка – тебе. И носочки красные. Как мой выбор?

– Спаипо, Сеант. Хоо.

– Раз ты такой вежливый, братишка, добавляю темно-красную рубашку. Плохо, что пуговиц мало, но зато подчеркивается твой тонкий эстетический вкус.

Напарник заливается смехом, я улыбаюсь и продолжаю ковырять ремень. Похоже, кнопка начинает ходить. Точно, поддетая гвоздиком-шилом поползла наверх. Черт, неудобно гвоздь за шляпку держать. А что мешает сделать нормальный инструмент? Выбираю самую плохую зубную щетку, отпиливаю шпателем ручку, сбиваю ребра шляпки, грею гвоздь зажималкой и вплаваю. Вот, цивильный инструмент. Продолжаем мучить пряжку. За неимением плоскогубцев закусываю кнопку зубами, тяну. Готово. А что у нас под кнопкой? Грязь (старательно сплевываю), остатки сгнившей металлической пружинки. Ага, пружина поднимала кнопку, прорезь «ласточкин хвост» освобождала фиксирующий рычаг на пружинящей пластинке. Вычищаем грязь, думаем: где взять пружину? А что тут думать: в авторучке.

Застежка работает идеально. Отшлифованная об отделочный камень кнопка отлично поднимается вверх, фиксатор нормально держит ремень.

– Не вздыхай, братишка, так тяжко. Ремень нашему благодетелю Борову. Да и в любом случае такую вещь у нас отобрали бы. Поэтому, вот немного крема, тряпочка, сделай его новым.

– Хоо, Сеант.

А я занялся электродом. Отколол сварочный состав, отбил и заострил конец. Выглядит грозно. Насадить на ручку и сделать большое шило? Нет, против дубинки или ножа не пляшет. А по-другому? Загибаем тупой хвост под прямым углом, срезаем остатки крепления метлы с ручки (сумка, кстати, почти высохла, дойдет на картоне), просверливаем электродом

сквозное отверстие. Вставляем загнутый тупой конец, закрепляем скотчем. Прямо штык на дуле трехлинейки. Получился нормальный дротик.

– Солдат, закрой рот – муха залетит. А поскольку муха – это мясо, ужин я съем сам.

Братишка смеется. Кстати, об ужине: пора выдвигаться к витаминчикам. Почему не к офисным залежам? Потому что там мы уже душевно поработали, еды мало, а Кента планирую поразить имеющимся исправным калькулятором. Настольные часы хорошо было бы захомячить, а наручные я еще не разбирал. Прячем высохшую одежду в мешок, дротик между листов стенки шалаша, берем цапалку, шпатель, перчатки, свежевыстиранную сумку и идем за ужином.

Возвращаясь с пакетом и сумкой продуктов домой, мы уже предвкушали приятнейшую помывку и вкусный ужин в чистом, но...

– Где нычка, дохлятина? Мля, урою урода!

Я, скрючившись, валяюсь на мусоре, стараясь втянуть хоть глоток воздуха. Мощный тычок в солнечное сплетение и удар дубинкой по почкам вышибли все здоровье. Выброшенная из шалаша постель, раскиданный картон, разъяренный бандюк (тот самый, от соседнего с Боровым столика). Короче, сцена: «Приплыли».

– Где Борову добро нычите, твари? А ну, баклань, дохлятина, урою в натуре!

Вошедший в раж урод пинает упавшего Солдата ногами. Бешеная ненависть подбрасывает меня, как пружина. Рывок к шалашу, ручка дротика сама ложится в руки. Разворот назад.

– Хэк!

Отточенное в прошлой жизни «штыком коли», возврат на исходную. Хруст ломающегося пластика. Выронив дубинку из опускающейся руки, бандит неуклюже валится на спину. Обжигающая посмертная волна. К небу торчит криво стриженная рыжеватая бороденка и обломок рукоятки, упирающийся в грудь. Точно в сердце, до упора. Мастерство не пропьешь.

– Солдат, братишка, как ты?

Осматриваю лицо, голову, проверяю руки, тело.

– Где болит, братишка?

А он молчит и смотрит на покойника остановившимися глазами. Черт, может быть второй! Подхватив цапалку, резко избегаю на строительную кучу. Осматриваюсь. Никого. Назад.

– Солдат, как ты?

– Номано, Сеант.

Нормально. Еще раз, уже спокойнее, осматриваю друга. Он молодец, успел свернуться клубком, только ссадины на руках да чуть содрана кожа на скуле. Мажу противовоспалительной мазью. Так, а что делать с трупом? Электрод вынимать не буду – пока он в ране, кровь почти не течет. Оттаскиваем тело к куче, закладываем мешками. Начнет смеркаться – поволочем в карьер, назад я Солдата доведу.

Как ни странно, нервы в порядок пришли довольно быстро. Сложили на место постель, подобрали картон. Шалаш здорово накренился – бандюк постарался, но начинать ремонт сейчас не с руки. Надо поесть.

М-да, не прошло и часа, как заколол человека, а сейчас сижу и наяриваю подбродивший кефир с подсохшей выпечкой. Хотя, какого, к хренам, человека? Урода бандитского. Солдат не отстаёт, тоже успокоился, повеселел. Вешаем остатки в пакете на завтрак. Чем заняться? Что-то не упирается идти назад по темноте: прошлого раза хватит за глаза. Присыпать урода опять же надо, чтобы точно не нашли. Полезу-ка на кучу, осмотрюсь.

Вот ангары. Народ сползается к дальнему, к ночлежке. Сортировка шуршит далеко в стороне. На пищевой помойке отдельные копошащиеся фигуры. Вот дорога к карьру. Всматриваюсь. Пустая. Точно, до самых развалин ничего движущегося. А как лучше к ней

пройти? Решение приходит сразу. Спускаюсь, откидываю мешки, снимаю с трупа кроссовки, вонючие носки, обгаженные штаны. Тьфу, урод трусы не носил. Ветровка от спортивного костюма, майку оставляем. Вещи, дубинку в пакет, выбросим по дороге. Крови натекло немного, собираем с мусором в тот же пакет. Чисто.

– Солдат, снимай рубашку, надевай эту рвань.

Переодеваюсь сам, хватаем труп за ноги, тащим. Между куч никого не встретили. Выхожу на дорогу, осматриваюсь. Норма. Тянем.

Бандюк увесистый, пробившее его насквозь жало цепляет мусор, но мы шагаем, как заведенные. Не так уж и далеко оказался карьер: уже накатывало тяжелой трупной вонью, когда остановились передохнуть. Пора вытаскивать электрод, кровь уже наверняка свернулась. Жало сидит мертво. Рука соскальзывает с обломков трубки, труп от рывков елозит, не давая дернуть как следует.

– Солдат, поддержи гада, не могу вытащить.

– Бог в помощь, работнички!

Одновременно мучительно пытаюсь выдернуть жало и разворачиваюсь на голос. Рука ослабевает, адреналин уходит. Это Кэп. С ним Хот и два знакомых парня.

– Смотрю, Сержант, ты дорвался, во вкус вошел: законников валить. Знакомая рожа, Хот?

– Это Лупень, из бригады Лома. Гнида редкостная. Был.

– Где второй покойник, герой Реджистанса?

– Кончай стебаться, Кэп. Один он был.

– Один? Ты не путаешь? Им по одному ходить по закону запрещено.

– Точно один, я проверил. Он нычку нашу для Борова хотел найти.

– Вижу, что нашел. Как дело было?

– Он Солдата ногами пинать начал. Я защитил. Вот, вытащить не могу.

– Пауэр, глянь, что там?

Здоровый парень подошел, склонился над трупом.

– Где вы нас увидели, Кэп?

– Коробку бетонную по дороге видел? Вот там мы и были по делам. Глядим: законники волокут отмучившегося. Ближе – а это наши кандидаты. Интересно мне стало, кого это вы приговорили.

– Кэп, насчет кандидатов... Если что, Солдата к себе возьми, пожалуйста.

Братишка дернулся ко мне, схватил за руку.

– Если что, так вас обоих забьют. Но, судя по тишине... Где его вещи?

– Вот. Там и мусор с кровью, и дубинка. У нашего шалаша я прибрал.

– Разумно. Умный ты парень, даже слишком. Хот, займись.

– Майку еще надо. Как там, Пауэр?

Сняв остатки пластика и скотча, здоровяк примерился, придавил труп коленом, мощно рванул. С мерзким хрустом электрод вышел из тела. Вытерев железку о футболку бандита, Кэп с уважением посмотрел на острое жало.

– Серьезная вещь. Как ты так ударил, что насквозь пробил?

– Ручка была еще от метлы. Отверстие насквозь, уголок вставляется, закрепляется липкой лентой.

– Лихо. Сам придумал?

– Сам.

– Добро. Хот, действуй, а вы, парни, тащите дальше в карьер – прятать будем.

Вымытые, в чистом белье, мы лежали в шалаше и шепотом обсуждали ситуацию. Приятный запах крема для рук и лосьона отбивал все еще навязчиво ощущаемый невыносимый смрад карьера.

Убитый бандюк стал для Кэпа последним доводом взять нас в команду. А мой рассказ о возможности попасть в шныри воодушевил командира сверх всякой меры. Главное: пережить завтрашний день активных поисков Лупеня, и сейчас мы с Солдатом повторяли детальную легенду. Что и когда делали, куда ходили, кого видели. Нет, голова у напарника точно стала работать намного лучше: практически все запомнил.

Утром проснулись перед восходом солнца от холода. Накренившаяся постройка продувалась насквозь, тепло не задерживалось. Оделись, размялись, позавтракали (кофейку бы горячего!) и только потом на солнышке умылись.

Пригибаясь, залез на строительную кучу. Ага, вот и поисковые группы. Двойки и тройки бандюков резво расходятся от ангара. Спускаюсь, думаю. Надо делать что-то естественное, не вызывающее подозрений. Идти за едой? Нет, там искать будут серьезнее всего, зачем попадать под раздачу? Взгляд задерживается на шалаше. Ну, конечно! Через десять минут любой подозрительный бандюк увидит самую мирную картину: два работника старательно строят себе жилище.

Форму шалаша решил оставить неизменной. Но в качестве несущих конструкций использовать пластиковые коробчатые балки, внутренность зашить картоном, снаружи – листами пластика, а поверх еще и полиэтиленом. В качестве крепежного средства использовать шпагат и скотч. Поначалу прислушиваясь к каждому звуку, мы с Солдатом в итоге разошлись, разогрелись и стали ваять от души. Получилось отлично. Я как раз пристраивал кусок толстого полиэтилена в качестве дверного полога, когда от куч раздался знакомый голос:

– Позырь, Рыба, мля, как путевые дохляки себе логово лепят. Пучком, зомбачок, толково выходит.

Оборачиваюсь, почти без усилия улыбаюсь:

– Здоровья, законник Боров! И вам здоровья, законник.

– Не кашлять, Зомбак. Вечером, ночью шухера никакого не слышал?

– Нет, законник. Поужинали, легли спать. Ночью холодно было, вот с утра решили шалаш переделать.

– Никуда не ходили, никого чужого не видели? Законник не встречался?

– Вчера ходили за едой после обеда (указываю рукой направление), там как обычно. Законников точно не было.

Солдат внимательно слушает, утвердительно кивает головой.

– А что случилось, если не секрет?

– Да, мля, Лупень пропал, типа вечером поздно или ночью (оп-па!). Поперся один, дебил конченный, хер знает куда, теперь Кент на измене, всех не занятых искать заслал. Я масть пробил, решил, в натуре, к тебе завалиться, тут пошарить. Ты, Зомбак, места знаешь, проведешь. Поканали, pozyрим.

– А смысл, законник Боров, ноги бить? Давай на кучу залезем, да и осмотрим все сверху.

– На эту? На нее хер залезешь, уделаешься только весь.

– С той стороны хороший путь есть. За материалом для шалаша спокойно лазили. А сверху все отлично видно.

– Не гонишь? Давай, показывай.

Стоя на куче рядом со мной, Рыба цепко осматривает местность немного выкаченными, круглыми (точное прозвище) глазами.

– Ну, что там, кореш?

– Путем все видно, Боров. Не гнал твой дохляк. Вон, наши шарятся. О, слышь, Косой с Кожаном, в натуре, косят. Сидят, в кости гоняют. Думают, типа сныкались.

– Хер на них, пусть у Лома башка болит. Наши как?

– Да вроде все шарятся, ищут.

– Путем, слазь, не хер светиться. Вокруг нормально обсмотрел?

– Отвечаю. Только за две кучи проканать, позырить.

Мы слезли.

– Зомбак, вежи. Да смотри, чтобы в дерьмо не вляпались. Жрете много, валите небось кругом конкретно? Гы-гы.

– Нет, законник, валим мы только там (показываю рукой). А здесь кучи разбираем насчет чего-нибудь в хозяйство.

Осмотр занял совсем немного времени, возвращаемся к шалашу.

– Как-то ты, зомбачок, хреновато живешь: законнику и присесть негде.

– Как негде? Сейчас сделаем.

Листы картона, наши тюфяки:

– Присаживайтесь, законники.

– О, путем. А еще чем законника порадуешь?

Со значением кошусь на Рыбу.

– Не ссы, зомбачок, Рыба путевый кореш, подо мной ходит.

– Тогда есть чем.

Слазив за мешки, достаю пакет. Боров берет выстиранную черную майку, расправляет, смотрит.

– Мля, потрафил, в натуре. Ну-ка...

– Боров, в натуре, круто!

Подаю зеркальце. Довольный благодетель разглядывает отражение, достает и надевает солнцезащитные очки. Рыба демонстрирует восхищение. Так, усиливаем эффект.

– Есть еще одна вещь.

Из пакета появляется ремень.

– Мля!

– Тут застежка не работала, я починил.

– Мля, нулячий, в натуре. Как я, Рыба?

– В натуре, крутизна нереальная.

Довольный законник хлопает меня по плечу:

– Ну, жучила хитрый, колись, что еще снычил?

Достаю калькулятор.

– А, видал такие. Ничего вещь, но не в цене.

– Он работает, я отремонтировал.

– Гонишь!

Нажимаю кнопки, показываю.

– Точно чинил?

– Могу открыть, показать, что заменил.

– Давай. Сейчас к Кенту иду, если в настроении будет, еще за тебя перетру.

Боров кладет калькулятор в пакет, с удовольствием поправляет обновы. В расстегнутой ветровке с засученными рукавами, темных очках, черной майке с кабаньей мордой, он действительно бандюк бандюком. Большая пряжка широкого ремня удачно дополняет образ.

Даже привыкший к законнику Солдат смотрит с опаской, Рыба с явной завистью.

– Что, и не покурите на дорожку, законники?

Похоже, у Борова нет слов. Молча забирает пачку, заглядывает в нее, одобрительно кивает. Закуривают. Рыбу окончательно добывает кабанья морда на зажигалке. Да, продемонстрировать понты наш благодетель умеет.

– Вот, кореш, ситуация. Ищем конкретного уroda, хоть он и законник, но мутила конченный. А нормального человека не могу корешем назвать, потому что не по закону.

– Точняк, по делу базаришь, Боров. Это же на Зомбаке ты крайний раз поднялся?

– Ха! Я на нем три раза поднимался. Забивал, что вежливый, что сортировку выдюжит и что Шило завалит. Мля, сейчас еще раз забьюсь – с Ломом. Он мне в контры против тебя, зомбачок, но обломится. Будешь шнырем, я сказал.

– Благодарю, законник Боров. Буду должен.

– Не ссы, если ты тех, то сочтешься, да еще и поднимешься. Лады, Рыба, канаем назад. Бандюки аккуратно загасили окурки и ушли.

– Все номано, Сеант?

– Да, Солдат, похоже, все нормально. Если меня поведут к Кенту, сразу иди к ребятам Кэпа в ангар. Запомнил, братишка?

– Я хоо апонил, Сеант.

– Молодец. А сейчас пойдем шалаш доделаем да опробуем, что получилось.

Получилось отлично. Солнышко нагрело так, что внутри стало жарко и душновато. Приоткрыв полиэтиленовый занавес входа, завалились на тюфяки. Напарник задремал, я обдумываю тактику поведения на неизбежной встрече с Кентом. О, обеденный колокол!

– Зомбак!

Боров перехватывает нас еще на подходе к ангару. Да, эффектно выглядит и распоряжается своими с грозным видом. Похоже, ему докладывают вернувшиеся с поисков. Подходим.

– Все, Зомбак, канаем к Кенту, потом пожрешь.

– Я понял, законник Боров.

Просительно указываю глазами на Солдата. Боров вникает на лету:

– Корень, берешь этого дохляка, канаешь к раздаче, пусть Черп нальет ему жрачки на двоих, потом отводишь в барак. Где Кэп кантуется, знаешь? Отдашь парня им. Врубился? Канай.

Успокоительно киваю братишке, расходимся. Боров по дороге инструктирует:

– Короче, прием в шныри – это типа правки. Пасть сам не разевай, отвечай, когда спросят, думай, не борзей. Фуфло будет гнать Лом, ты стой на своем твердо. И говори только правду: Кент дотошный, умный, памятный, его хрен наколешь. Понял?

– Да, законник.

– Лады, я, если что, и на себя взять могу.

У Кента оказался настоящий рабочий кабинет в пятом ангаре. Классическая приемная с лавкой, журнальным столиком и стульями. Крепкий, выбритый охранник у дверей. Боров ткнул пальцем:

– Сиди, жди.

Благодетель зашел в кабинет. Я успел увидеть только небольшой тамбур (ничего себе), двустворчатые пластиковые «под дерево» двери закрылись на пружинах. Осторожно оглядываюсь. М-да, цивилизация: навесной потолок, две лампы дневного света, аккуратно окрашенные стены, небольшое деревце в кадке в углу. Охранник в чистых, но неглаженных брюках и рубашке. На ногах приличные летние туфли.

Уже заскучал и подумывал, можно ли полистать журналы, когда Боров выглянул и махнул рукой.

Да, кабинет роскошный. Два стола буквой «Т», застекленный шкаф с папками, во главе Кент в бежевом костюме и шейном платке, справа бандюк, который командовал на сортировке (точно, Лом), слева присаживается Боров. На столе письменный прибор, моя папка,

калькулятор. Кент внимательно меня рассматривает, Лом косится с явной неприязнью, Боров с серьезным лицом украдкой подмигивает.

– Ближе подойди.

Делаю два шага.

– Ты хорошо понимаешь, зачем тебя сюда привели?

– Да, сэр Кент.

– От моего решения зависит вся твоя дальнейшая судьба. Ты можешь зажить по-человечески, а можешь сегодня же оказаться в карьере. Поэтому отвечай только правду. Ты понял?

– Да, сэр Кент, я все понял.

– Законник Боров сказал, что эти вещи ты отремонтировал сам. Это правда?

– Да, сэр Кент.

– Чем ты ремонтировал?

– У меня в шалаше, сэр Кент, есть инструменты. Шалаш – это место, где я живу, инструменты спрятаны рядом.

– Гонит (это Лом).

– Где ты взял инструменты?

– Что-то нашел, что-то сделал сам, сэр Кент.

Холеная рука ложится на папку.

– Это тоже отремонтировал ты?

– Да, сэр Кент. На папке слетела застежка молнии. Я разогнул и снял стопор, вправил молнию. Мой друг отполировал папку тряпочкой с кремом.

– Каким?

– Для рук, сэр Кент, другого не было.

– В натуре, гонит.

Боров выкладывает на стол зажигалку.

– А это – гонит?

Очки.

– Гонит?

Встает, трещит застежкой ремня:

– Нехилый гон получается, а, Лом?

Кент рассматривает очки.

– Как ремонтировал?

– На очках была сломана дужка, сэр Кент, и выпадало стекло. Оправу аккуратно выправил, стекло перестало выпадать, вывинтил винт крепления дужки, поставил целую дужку от других очков.

Боров одобрительно кивает. Продолжаю:

– В зажигалке, сэр Кент, сточился кремь, согнулась пружина. Я взял детали от другой, заменил. В ремне испортилась возвратная пружина. Разобрал застежку, поставил похожую пружину от авторучки, отшлифовал кнопку, собрал. Так же отполировали ремень кремом. В калькуляторе был неисправен аккумулятор, я сумел найти рабочий, заменил.

– Ты сейчас назвал несколько специальных слов. Откуда их знаешь?

– Я не могу сказать, сэр Кент. Знаю, но откуда – не помню.

– А как ремонтировать, откуда знаешь?

– Не помню, сэр Кент. Вижу сломанную вещь, понимаю, как она устроена и как ее ремонтировать. Само в голове всплывает.

– Да гонит он, Кент. Помню, не помню. Фуфлю.

– Ты так думаешь, Лом? Зомбак, руки покажи.

Протягиваю руки, поворачиваю.

– Ничего не видишь?
– А хули там видеть? Грабли, как грабли.
– Они чистые, Лом. И ногти подстрижены. На лицо его посмотри.
– Ну, рожа.
– Он выбрит. Чем одеколонился, Зомбак?
– Лосьон «Олд мэн», сэр Кент.
– А еще он причесан. Расческа где?
Достаю, показываю расческу.
– Хорошо. Когда стирал майку и рубашку?
– Вчера, сэр Кент.
Допрос прерывает стук в дверь и появление еще одного законника. По-моему, Вялый.
– Нашли, сэр Кент.
На стол ложится ветровка Лупеня и его дубинка. Сердце дает сбой.
– В нычке у крыс на продуктовой нарыли. Барахло Лупеня в кровянке в куче зарыли, уроды опущенные. Там и место есть, где его кончали – мусор перерыт, с кровью.
– Как нашли?
– У крыс один покоцанный, тряпками замотан (оп-па! По-моему, я знаю, кто под раздachu попал). Парни начали шмонать реально и нашли.
– Что крысы говорят?
– А что базарить? Отмазывались, ну парни их и забили.
– Нахера?! Как узнать теперь: кто такие, почему Лупень один поперся?
– Да че там узнавать... Они из наших бывших, из опущенных. Лупень их знал, да и мы тоже.
– Та-а-ак. Под кем ходили?
Вялый виновато смотрит на Лома.
– Ясно. Выйди пока, Вялый, подожди за дверью.
Помявшись, бандюк добавляет:
– Нычки у них богатые были. Бухла много, курево. У нас пока сложено.
– Не зря братва базарила, что Лупень нычки дохляков шерстит. А один шмонал, чтобы не делиться.
– Помолчи, Боров. Вялый, выйди.
Жесткий, отдающий ледяным холодом, властный взгляд Кента упирается в Лома.
– Косяк на тебе, старшина. Твой бык, ты за него отвечаешь.
– Кент, да че...
– Я так сказал, и по закону так. Все, решено.
Взгляды возвращаются ко мне. Кент звенит колокольчиком, заглядывает охранник.
– Нюхач пришел?
– Да, сэр.
– Пусть заходит.
– У него вещи в мешках.
– С вещами.
– Да, сэр Кент.
Входит смутно знакомый законник, бандюки вносят... Да, попал. Это наши вещи.
– Твое, Зомбак?
– Мое и моего кореша.
– Рассказывай, Нюхач.
– Занычено, сэр Кент, было толково. Место хорошее, халупа у него сделана, в натуре, по уму, теплая, чистая, внутри матрацы из мешков с рваниной, подушки, даже, типа, простыни. Мешок шмотья стираного, чашки, тарелки, добра разного богато.

Рассказывая, бандюк раскрывает и показывает содержимое пакетов.

– Бухло, курево?

Боров. Голос не очень довольный.

– Этого нет, старшина. От бухла нет и бутылок, свежих окурков всего два видели.

– А, это я с Рыбой утром курил (голос подобрел у благодетеля).

– Что, Нюхач, интересного, необычного?

– Вот, сэр Кент. Братва аж охренела.

На стол ставятся часы. Рядом раскладывается инструмент, цапалка, пакет с раскуроченными калькуляторами.

– Реально не простые дохляки там живут, сэр Кент.

Кент внимательно рассматривает часы, сборку солнечных батареек, жмет кнопки. Поднимает глаза на меня.

– Чем ремонтировал?

Показываю на шпатель, самодельную отвертку, шило из гвоздя, черный от нагрева гвоздь.

– Паял вот этим, грел зажигалками, сэр Кент.

– Для кого делал?

– Законнику Борову в благодарность за защиту.

Выдерживаю пронизывающий взгляд Кента.

– А это что?

– Называю «цапалкой», сэр Кент. Удобно мусор разгребать и мешки выдергивать.

Внимательно прислушивающийся Нюхач не выдерживает:

– Ты что, тех?!

Кент отвечает за меня с металлом в голосе:

– Нюхач, иди. Да, если там ждет Черп, пусть заходит.

Лом пользуется паузой:

– Мля, да гон все это. Он не может быть техом.

Деликатный стук. Приоткрывается дверь:

– Вы позволите, сэр Кент?

– Входи, Черп. Что ты можешь рассказать про этого стертого?

– Сэр Кент, вы знаете, что я стремлюсь отслеживать научную печать, в частности, по психологии...

– Покороче, Черп, у нас много дел.

– В общем, сэр Кент, в интервью профессора Эриха Штейна полгода назад регулярно звучали слова о возможности записи в сознание одного человека навыков и умений других людей. Потом писали, что профессор приехал в медико-биологические лаборатории наших Северо-Восточных колоний. К сожалению, журналы по психологии больше мне не попадались.

– Твой вывод, Черп?

– Я полагаю, сэр Кент, что он не просто стертый, а записанный. Этим объясняется его прогресс восстановления как личности и некоторые несовместимые со стиранием умения, про которые вы вчера говорили, сэр Кент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.